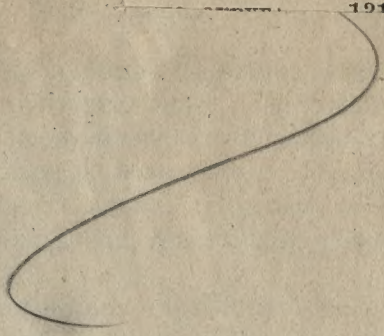
331(C18)
W352K

38902
АЛТАЙСКАЯ ЦЕНТР. СОВЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
~~12004~~
БИБЛИОТЕКА
Шифръ 35 Ш / 331 (57)
35 Ш / 331 (57)
Шифр
инв
стр 49
цена 10р + 20
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА



ШСП-ПТ Н43А0

ПОЛОЖЕНІЕ ТРУДА НА ЧАСТНЫХЪ ЗАВОДАХЪ АЛТАЙСКАГО ОКРУГА.

I.

Условія найма характеризуютъ не только положеніе труда въ данной отрасли промышленности, но и положеніе самой промышленности, уровень ея развитія и пр. Вотъ почему я нахожу болѣе удобнымъ начать свой обзоръ именно съ этого пункта.

Всѣ отношенія, существующія между владѣльцемъ промышленнаго предпріятія и его рабочими, насколько это касается производства, возникаютъ на почвѣ взаимнаго соглашенія сторонъ. Письменный договоръ, если онъ равно опредѣляетъ права и обязанности обѣихъ сторонъ, является, какъ извѣстно, лучшей гарантіей владѣльца и рабочихъ.

На громадномъ большинствѣ частныхъ заводовъ Алтайскаго округа, крупныхъ и мелкихъ, никакихъ письменныхъ договоровъ не существуетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризуютъ наличныя условія найма сами заводчики. Но есть нѣсколько исключеній изъ общаго правила, и, какъ ихъ ни мало, они все же заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановиться.

Въ тѣсномъ смыслѣ договоръ встрѣченъ мною только на одномъ заводѣ, на двухъ другихъ – замѣняющіе его „разсчетные листы“; наконецъ, къ одному заводу существуютъ обязательныя отношенія, выраженныя въ мірскомъ приговорѣ крестьянъ сосѣдней деревни. Какъ договоръ, такъ и разсчетные листы находятся и въ настоящее время у меня въ рукахъ; мірской же приговоръ мнѣ видѣть не удалось—заводская контора отрицаетъ даже его существованіе, и я знаю о немъ лишь со словъ крестьянъ.

„Разсчетный листъ", кромѣ записей заработка, выдачъ, штрафовъ и пр., заключаетъ въ себѣ еще слѣдующее: опредѣленіе срока найма, размѣръ договоренной платы и изложеніе условій работы на заводѣ. Это печатный документъ, скрѣпляемый подписью владѣльца завода или его управляющаго; выдается онъ каждому рабочему на руки, взамѣнъ паспорта, который во все время работы на заводѣ хранится въ конторѣ. Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ только „условія".

Всѣ условія, внесенныя въ разсчетные листы крупчатнаго завода Ю. и Ш., ограничиваются, собственно говоря, тремя пунктами, опредѣляющими обязанностями рабочихъ къ заводу и его владѣльцамъ. Вотъ эти пункты: „Со дня поступленія на работу, нанявшійся обязанъ вести себя честно и трезво, съ подозрительными людьми никакой связи не имѣть, хозяину и довѣреннымъ отъ него лицамъ отдавать должное уваженіе, быть послушнымъ и трудолюбивымъ, безотлагательно и безотговорочно исполнять всѣ приказанія и распоряженія, работать долженъ безъ лѣности и притворства, не злоупотребляя таковыми во вредъ хозяину". „Оставить работы и поступить къ кому-либо другому до окончанія срока, опредѣленнаго въ условіи, ни подъ какимъ предлогомъ права не имѣетъ". Въ послѣднемъ пунктѣ говорится, что разсчетный листъ есть „разсчетный документъ", который поэтому слѣдуетъ беречь „въ чистотѣ и опрятности"; въ случаѣ утраты листа разсчетъ производится по имѣющейся въ конторѣ книгѣ. Это относительно обязанностей рабочихъ. Что же касается обязанностей владѣльца, то о немъ въ условіи не говорится ни слова, но, взамѣнъ того, ему предоставляется право „за явное неповиновеніе и грубость передъ хозяиномъ или его довѣреннымъ виновнаго подвергнуть, кромѣ отвѣтственности передъ судомъ, денежному штрафу отъ 1 до 2 руб. серебромъ".

И это все. Далѣе идетъ выписка четырехъ статей изъ I части X т. Св. Зак., рѣшительно ничего не прибавляющихъ къ тому, что было сказано въ условіи[1]). Если подобное усло-

[1]) Ст. 2261 говоритъ о томъ, что всѣ споры, возникающіе между хозяевами и рабочими, разрѣшаются согласно заключенному между ними условію 2262—о томъ, что до истеченія срока рабочій не имѣетъ права уйти безъ согласія на то хозяина; 2263 устанавливаетъ право хозяина „въ случаѣ пьянства, буйства, неповиновенія и худого поведенія" работника заявить о томъ старостѣ или мірскому обществу и требовать наказанія; наконецъ, 2264 ст. опредѣляетъ, какимъ образомъ въ подобномъ случаѣ обществомъ можетъ быть произведено наказаніе.

віе весьма мало гарантируетъ заводу достаточное количество способныхъ работниковъ, а слѣдовательно, и правильное теченіе дѣятельности всего завода, то прочность положенія рабочихъ уже рѣшительно ничѣмъ не обезпечивается. Въ самомъ дѣлѣ, что содержатъ въ себѣ эти параграфы, кромѣ правилъ личнаго поведенія для рабочихъ („не груби", „отдавай должное уваженіе", „будь послушенъ" и пр.) и права хозяина за нарушеніе этихъ правилъ штрафовать рабочихъ, привлекая ихъ въ то же время къ суду? Рѣшительно ничего. Можно подумать, что передъ нами не промышленное заведеніе съ своими сложными отношеніями, затрогивающими насущные интересы обширнаго круга лицъ, начиная съ самого владѣльца, а какой-то исправительный пріютъ для испорченныхъ рабочихъ, надзоръ за нравственностью которыхъ составляетъ тотъ жизненный центръ заведенія, вокругъ котораго все вращается: будь честенъ, трезвъ, не лѣнись и не притворяйся—все остальное приложится само собою, заводъ расцвѣтетъ, широко развернувъ свои силы.

Если съ точки зрѣнія огражденія интересовъ предпріятія подобныя условія не лишены извѣстной степени комизма, то далеко нельзя того же сказать, если мы взглянемъ на нихъ съ точки зрѣнія интересовъ другой стороны — труда. „Будь послушенъ и трудолюбивъ, безотлагательно и безотговорочно исполняй всѣ распоряженія и приказанія" владѣльца и его довѣренныхъ. Хорошо, но гдѣ та черта, за которую „распоряженія и приказанія" не должны переходить ни въ какомъ случаѣ? Гдѣ мѣра количества труда, которое вправѣ требовать заводъ отъ рабочаго въ теченіе дня, недѣли, мѣсяца? Насколько честность, послушаніе, трудолюбіе, трезвость, которыхъ требуютъ условія, обезпечиваютъ работнику увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, увѣренность, что онъ не будетъ разсчитанъ по желанію, простой прихоти хозяина, приказчика, мастера и т. д., и т. д.? Вотъ тѣ вопросы, которые должны возникать у каждаго при чтеніи условій крупчатнаго завода Ю. и Ш.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются правила, внесенныя въ разсчетные листы на стеклодѣлательномъ заводѣ П. и К°. Здѣсь къ нанявшимся предъявляются не только правила личнаго поведенія, но и требованія, непосредственно относящіяся къ работамъ, для которыхъ производилась наемка. Условія эти не заключаютъ въ себѣ и тѣни обоюдности, т.-е. свойства, которымъ долженъ обладать всякій дѣйствительный *договоръ;* но зато въ нихъ весьма много и въ весьма опредѣ-

ленной, категорической формѣ говорится объ обязанностяхъ рабочихъ. Изъ десяти пунктовъ, на которые распадаются „условія съ рабочими“, девять имѣютъ въ виду или обязанности рабочихъ къ заводу, или тѣ взысканія, которымъ они въ извѣстныхъ случаяхъ подвергаются, и только одинъ параграфъ относится къ управленію завода, но и тотъ говоритъ о его правѣ „отказать мастеру или рабочему во всякое время“.

Я не буду перечислять всѣ девять параграфовъ, такъ какъ для насъ достаточно отмѣтить лишь общій характеръ ихъ. Первый же пунктъ „условій“, сверхъ „безукоризненнаго поведенія“, требуетъ отъ рабочихъ явки на работы въ назначенные часы. Неявка влечетъ за собой штрафы: для мастера въ размѣрѣ 2 руб., для простого рабочаго 50 коп. „и болѣе“ за прогульную смѣну или день. Штрафу подвергаются рабочіе „за ослушаніе“. За цѣлость ввѣреннаго имущества рабочіе отвѣчаютъ его стоимостью. „За пьянство, лѣность, дурное поведеніе или *по излишеству людей*“ каждый рабочій можетъ быть уволенъ съ завода „во всякое время“, и т. д. Особенный интересъ представляетъ первая половина четвертаго пункта, которую я позволю себѣ привести здѣсь цѣликомъ: „Не пожелавшіе продолжать на заводѣ службу *далѣе* условнаго времени обязаны заявлять объ этомъ управленію завода за два мѣсяца до истеченія срока. Не объявившій за два мѣсяца впередъ *считается обязаннымъ прослужить на заводѣ еще одинъ годъ*“. Не лишенъ также своеобразнаго интереса и десятый пунктъ, устанавливающій *суточный* срокъ для заявки въ контору о неправильныхъ записяхъ въ разсчетномъ листѣ: „пропустившій этотъ срокъ теряетъ право на оспариванье допущенной ошибки“.

Будучи совершенно однородны по своему духу съ правилами завода Ю. и Ш., эти условія въ то же время отличаются отъ нихъ цѣльностью, рѣзкой опредѣленностью, систематичнымъ проведеніемъ принципа, вѣрнѣе сказать—побужденія, которое тамъ выражено въ непосредственной до наивности формѣ,—въ этомъ ихъ коренное различіе. Въ особенности хорошъ четвертый пунктъ, дышащій всѣми характерными чертами оригинальной самобытности.

Въ этомъ же родѣ договоръ, заключенный между сосѣднимъ Иткульскимъ винокуреннымъ заводомъ и артелью крестьянъ, такъ что его можно и не разсматривать вовсе. Нужно замѣтить, что какъ на стекольномъ, такъ и на винокуренномъ заводѣ большая часть параграфовъ этихъ условій остается безъ всякаго примѣненія на практикѣ. Это не только увѣренія упра-

вляющихъ, но и фактъ, объясненія которому нужно искать въ той затруднительности, съ которою въ Сибири производятся всякаго рода гражданскія взысканія.

На остальныхъ частныхъ алтайскихъ заводахъ условія ограничиваются простыми словесными соглашеніями, дающими самый широкій просторъ для нарушеній какъ съ той, такъ и съ другой стороны. На каждомъ заводѣ можно слышать жалобы на недобросовѣстность рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышать и объясненіе, почему не заключаются письменныя условія,—„не стоитъ-де съ ними возиться“. Очевидно, будучи совершенно ненормальной, ставя иногда заводъ въ крайне затруднительное положеніе [2]), такая постановка дѣла имѣетъ много выгодныхъ сторонъ для заводовладѣльцевъ, почему и находитъ себѣ повсемѣстное примѣненіе,—Алтайскій округъ въ этомъ отношеніи не составляетъ какого-либо исключенія въ ряду другихъ районовъ отечественной промышленности.

Словесныя условія найма, какъ это и понятно, не отличаются точностью и опредѣленностью: сроки найма почти никогда не устанавливаются: нанимаютъ помѣсячно, кто сколько проработаетъ. На болѣе продолжительные сроки нанимаются мастера, заправляющіе всѣмъ ходомъ производства. Какъ увидимъ ниже, въ извѣстныхъ случаяхъ производится повышеніе платы, но и это устанавливается не столько договоромъ, какъ обычными колебаніями цѣнъ на рабочія руки: не повышай хозяинъ хоть нѣсколько плату на время страды, и на его заводѣ не останется ни одного человѣка. И это вполнѣ понятно. Здѣсь нѣтъ и быть не можетъ постояннаго контингента заводскихъ рабочихъ, для которыхъ заводскій трудъ былъ бы единственнымъ источникомъ существованія: громадное большинство ихъ такъ или иначе связано съ землей, и потому временное повышеніе цѣнъ на земледѣльческій трудъ влечетъ за собой повышеніе цѣнъ и на трудъ заводскій.

Впрочемъ, можно указать заводы, рабочіе которыхъ не имѣютъ вовсе или имѣютъ весьма малую связь съ землей. Таковъ Ивановскій стеклодѣлательный заводъ П. и К°, отчасти и содовый заводъ Пр. въ Барнаулѣ. Стекольное производство требуетъ отъ рабочихъ значительной спеціальной подготовки; сверхъ того, дѣтскій трудъ составляетъ одно изъ основаній

---

[2]) Недурнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить недавній случай на заводѣ Ф.: мастера-крупчатника переманили на другой заводъ, вслѣдствіе чего г. Ф. долженъ былъ пріостановить производство, пока не подыскалъ новаго крупчатника, что сдѣлать было очень не легко.

этого производства при настоящей его постановкѣ: начавъ работу съ 8—9 лѣтъ, переходя отъ одной отрасли производства къ другой, высшей, требующей большей сноровки и знаній, рабочій остается до старости. Къ этому надо прибавить, что трудъ на стекольныхъ заводахъ настолько тяжелъ, настолько губительно дѣйствуетъ на здоровье, что въ нѣсколько лѣтъ человѣкъ дѣлается почти неспособнымъ ни къ какому другому труду, кромѣ даннаго. Естественно, что при такихъ условіяхъ стекольное производство возможно лишь въ томъ случаѣ, если ему удастся создать достаточный контингентъ постоянныхъ рабочихъ, и каждый заводъ такъ или иначе создаетъ его. Въ Сибири довольно много стекольныхъ заводовъ, и возлѣ каждаго изъ нихъ вы найдете селеніе, жители котораго—заводскіе рабочіе, не знающіе иного труда, кромѣ требуемаго стекольнымъ производствомъ; никакихъ отношеній къ землѣ такое селеніе не имѣетъ — она для него совершенно чужда. Хотя Ивановскій заводъ существуетъ едва 20 лѣтъ, тѣмъ не менѣе его рабочіе—типичные заводскіе рабочіе, неспособные ни на какую иную работу, утратившіе всякую связь съ кормившей ихъ нѣкогда землей; это чистокровные представители того самаго заводскаго пролетаріата, наличность котораго у насъ не всегда признается. Старшее поколѣніе теперешнихъ рабочихъ завода явилось сюда съ заводовъ Тобольской губ., куда мастеровые были выведены съ заводовъ Московскаго промышленнаго района. Такимъ образомъ, у современнаго молодого рабочаго завода П. и К° не только отецъ, но и дѣдъ, даже прадѣдъ были такіе же стекольные мастера и рабочіе, какъ и онъ самъ. Въ этомъ отношеніи Ивановскій заводъ имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ алтайскими казенными заводами, хотя внѣшнія формы образованія постояннаго состава заводскихъ рабочихъ во многомъ разнятся.

Подобное же стремленіе создать свой постоянный кругъ заводскихъ рабочихъ наблюдается въ извѣстной степени на содовомъ заводѣ Пр., часть рабочихъ котораго непрерывно работаетъ на немъ съ самаго его основанія. Этому стремленію благопріятствуетъ самое положеніе завода близъ города, мѣщанство котораго, благодаря отношеніямъ къ казенному сереброплавильному заводу, никогда не было связано съ землей; это—полугородской, полузаводскій пролетаріатъ, ряды котораго густо заполняются неудачниками переселенческаго движенія изъ Европейской Россіи. Но заводъ еще слишкомъ недавно возникъ—въ 1864 г., и самое производство еще такъ ново для населенія,

что для образованія постояннаго состава „содовыхъ“ рабочихъ еще не наступило время. Вотъ почему мы видимъ въ лѣтніе мѣсяцы, съ одной стороны, сокращеніе производства и повышеніе платы, съ другой—половина заводскихъ рабочихъ уходитъ на страду.

Обособленіе, спеціализація труда и, какъ неизбѣжный результатъ этого, оторванность отъ земли наблюдаются среди мастеровъ всѣхъ изслѣдованныхъ производствъ. На крупчатныхъ заводахъ, напр., всѣ мастера—народъ пришлый изъ внутреннихъ губерній Россіи или съ Урала; но это не переселенцы, составляющіе главную рабочую силу большинства алтайскихъ частныхъ заводовъ, а лица, спеціально выписанныя заводчиками. Между подмастерьями встрѣчаются и сибиряки, но рѣдко. Мѣстныхъ, алтайскихъ мастеровъ нѣтъ ни одного. Постоянный составъ мастеровъ наблюдается въ кожевенномъ производствѣ, въ производствѣ восковыхъ свѣчъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ овчинношубномъ, мыловаренномъ, свѣчно-салотопенномъ производствахъ мастерами являются чаще всего сами владѣльцы заводовъ, стоящихъ на границѣ кустарнаго и капиталистическаго производства.

Въ городахъ, каковъ Барнаулъ, а также въ горнозаводскихъ селеніяхъ въ родѣ Змѣиногорска на кожевенныхъ и овчинношубныхъ заводахъ есть извѣстный процентъ рабочихъ, крѣпко держащихся разъ избраннаго производства. Большинство же рабочихъ какъ здѣсь, такъ и на всѣхъ остальныхъ заводахъ округа—народъ подвижной, переходящій съ завода на заводъ, отъ промысла къ промыслу, занимающійся въ лѣтнее время полевыми работами. Чѣмъ меньше данная отрасль производства требуетъ спеціализаціи труда, тѣмъ больше подвижность рабочей силы, и обратно. На кожевенномъ заводѣ С. въ Барнаулѣ, напр., мастера и отдѣльщики много лѣтъ работаютъ безъ перерыва, у нихъ нѣтъ иного заработка, кромѣ доставляемаго даннымъ производствомъ; изъ остальныхъ рабочихъ, занятыхъ собственно выдѣлкой кожи, только одинъ живетъ постоянно, всѣ же другіе переходятъ съ завода на заводъ, отъ одного производства къ другому, отъ земли къ заводу и обратно; есть такіе, что уже четвертый разъ живутъ на этомъ заводѣ; наконецъ, еще болѣе подвижной элементъ представляютъ рабочіе на толчеѣ, занятые перемывкой шерсти и т. п.—эти постоянно смѣняются, и рѣдко кто изъ нихъ работаетъ на заводѣ сколько-нибудь продолжительное время. Почти то же самое пришлось бы сказать и о большинствѣ алтайскихъ заводовъ.

Я уже сказалъ, что главную массу рабочихъ на Алтаѣ составляютъ переселенцы или дѣти переселенцевъ. Коренной алтайскій крестьянинъ, будучи обезпеченъ землею часто свыше наличныхъ потребностей, занимаясь въ широкихъ размѣрахъ скотоводствомъ и извозомъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обратится къ заводскому труду. Въ горнозаводскихъ селеніяхъ, а также въ Барнаулѣ часть рабочихъ составляютъ бывшіе и настоящіе „горнозаводскіе обыватели“, т.-е. горнорабочіе, освобожденные закономъ 1861 г. отъ обязательныхъ заводскихъ работъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ рабочими являются киргизы, приходящіе на заработки изъ-за Иртыша и юго-западныхъ степей Алтайскаго округа. Мнѣ извѣстны два крупчатные завода—г. П. вблизи Барнаула и г. Ж. подъ Колываньо, гдѣ большинство рабочихъ—киргизы. Кромѣ крупчатнаго и отчасти кожевеннаго производства, киргизы встрѣчаются въ промышленныхъ заведеніяхъ, какъ рѣдкое исключеніе.

Изъ всѣхъ обслѣдованныхъ производствъ женскій трудъ находитъ приложеніе только въ двухъ, и то въ незначительныхъ размѣрахъ,—въ садовомъ и кожевенномъ; въ послѣднемъ женщины заняты собственно мойкой, т.-е. обработкой побочнаго продукта производства. Во всѣхъ остальныхъ производствахъ женщинъ нанимаютъ только для приготовленія пищи. На крупчатныхъ заводахъ, правда, женщины занимаются еще шитьемъ мѣшковъ, но работа эта производится внѣ завода, по деревнямъ, куда заводчики сдаютъ холстъ.

Съ дѣтскимъ трудомъ мы встрѣчаемся въ крупчатномъ производствѣ и, главнымъ образомъ, въ стеклодѣлательномъ: здѣсь почти половина всѣхъ работъ лежитъ на дѣтскихъ плечахъ. Въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются подростки въ кожевенномъ производствѣ (мелкіе деревенскіе заводы) и въ овчинномъ.

II.

„Рабочее время“, т.-е. время, въ теченіе котораго работникъ отдаетъ свой трудъ производству, на частныхъ алтайскихъ заводахъ—величина весьма непостоянная, подверженная значительнымъ колебаніямъ. Это въ равной степени справедливо, возьмемъ ли мы для сравненій рабочій годъ, или мѣсяцъ, день, смѣну, наконецъ. Колебанія эти наблюдаются не только по отношенію различныхъ производствъ, но и по отношенію однихъ и тѣхъ же производствъ въ разныя времена года, различныхъ отраслей производства и т. д.

Вызывается это явленіе разнообразными причинами: положеніемъ заводовъ относительно промышленныхъ центровъ и рѣкъ, состояніемъ товарнаго рынка и рынка рабочаго, технической стороной производства и пр. Главнѣйшія изъ этихъ вліяній въ смыслѣ удлиненія и сокращенія рабочаго времени необходимо отмѣтить теперь же. Начнемъ съ „рабочаго года".

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ заводовъ я могу указать не много такихъ, дѣятельность которыхъ продолжается въ теченіе цѣлаго года. Это—три наиболѣе крупныхъ кожевенныхъ завода въ Барнаулѣ и 4 въ Змѣиногорскѣ, 2 свѣчно-салотопенныхъ и 2 свѣчно-восковыхъ, затѣмъ пивоваренный и содовый; всего, слѣдовательно, 13 заводовъ изъ 31. Къ этому надо прибавить, что свѣдѣнія имѣются о всѣхъ крупныхъ заводахъ Алтайскаго округа, кромѣ 2 пивоваренныхъ—одного въ Бійскѣ и одного въ Барнаулѣ; на мелкихъ же заводахъ — овчинныхъ, кожевенныхъ и пр. круглый годъ производство никогда не продолжается—всегда дѣлаются болѣе или менѣе крупные перерывы въ работѣ.

Для отдѣльныхъ производствъ колебанія годового періода работъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ овчинномъ производствѣ на одномъ заводѣ работаютъ 9 мѣсяцевъ, на остальныхъ отъ 7—8 въ теченіе года; въ крупчатномъ — на 4 заводахъ 9 и 10½ мѣс., на одномъ между 8 и 10, на одномъ—10 и, наконецъ, на послѣднемъ—8 мѣсяцевъ въ годъ; на тѣхъ кожевенныхъ заводахъ, на которыхъ работа продолжается не круглый годъ, работаютъ отъ 8 до 10 мѣсяцевъ, вообще же для этого производства, слѣдовательно,—отъ 8 до 12 мѣс.; въ свѣчно-мыловаренномъ—рабочій годъ равняется 6—12 мѣс., въ винокуренномъ—9—10, въ стеклодѣлательномъ—10.

Слѣдовательно, крайнія границы колебаній годового рабочаго періода для болѣе крупной частной промышленности на Алтаѣ будутъ отъ 6 до 12 мѣсяцевъ.

Время перерывовъ, какъ и ближайшія причины ихъ, неодинаковы. На многихъ заводахъ, особенно мелкихъ, еще недавно вышедшихъ изъ числа кустарныхъ мастерскихъ, перерывы совпадаютъ съ періодомъ полевыхъ работъ, когда, какъ уже говорилось выше, цѣны на рабочія руки рѣзко повышаются, таковы, напр., остановки въ овчинномъ производствѣ. Перерывы въ дѣятельности кожевенныхъ заводовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже совпадаютъ съ этимъ временемъ, но заводовладѣльцы объясняютъ ихъ недостаткомъ матеріала обработки лѣтомъ, когда сохраненіе мяса сопряжено съ большими неудобствами, „заколъ" скота сильно сокращается, достигая въ Пет-

ровскій и Успенскій посты своего минимума, и кожъ на всѣ заводы не хватаетъ; кто обладаетъ болѣе солиднымъ капиталомъ, тотъ производитъ крупныя закупки матеріала зимою; у кого средствъ поменьше, тѣ сокращаютъ производство на всѣ лѣтніе мѣсяцы или только на нѣсколько послѣднихъ. Въ другихъ случаяхъ заводы останавливаются въ концѣ зимы за недостаткомъ „дуба“, два завода стоятъ въ самое холодное зимнее время съ цѣлью сокращенія расходовъ по производству и т. д. Совершенно иными причинами вызываются остановки крупчатныхъ заводовъ, производящіяся дважды въ годъ. Всѣ алтайскія крупчатки работаютъ водой, а не паромъ, почему, во время весенняго ледохода и разлива, а также осенняго рѣкостава, волей-неволей должны останавливаться. Продолжительность остановки зависитъ отъ свойства тѣхъ рѣкъ или рѣчекъ, водою которыхъ дѣйствуютъ заводы. Стекольный заводъ пріостанавливаетъ свою дѣятельность въ видахъ ремонта, винокуренный—изъ боязни перепроизводства и т. д.

Здѣсь для насъ важно лишь одно обстоятельство: исключая крупчатные заводы, пріостановка въ дѣятельности завода влечетъ за собой или прекращеніе выдачи рабочей платы, или же совершенное распущеніе рабочихъ. Трудно сказать, что лучше для рабочаго: сохранить ли мѣсто, лишь временно лишившись заработка, или лишиться мѣста и подвергнуться риску, соединенному съ отысканіемъ новаго заработка. На этотъ вопросъ возможенъ удовлетворительный отвѣтъ не вообще, а по поводу каждаго частнаго случая отдѣльно: при однихъ условіяхъ будетъ выгоднѣе тотъ исходъ, при другихъ иной.

Какъ бы тамъ ни было, подобные перерывы не могутъ не отражаться на общемъ положеніи рабочихъ, внося въ ихъ жизнь неровность заработка, необезпеченность, заставляя ихъ переходить отъ одного заработка къ другому и въ лучшихъ случаяхъ втягиваться въ долги и обязательства. Для рабочихъ, могущихъ заниматься полевыми работами, эти кризисы менѣе тяжелы, такъ какъ рабочая плата земледѣльческому рабочему въ нѣсколько разъ выше платы заводскому, и „*пострадовавъ*“, каждый можетъ заработать столько, что всѣ расходы, сопряженные съ потерей мѣста и заработка, будутъ возмѣщены. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать обо всѣхъ рабочихъ, временно лишающихся заработка на заводахъ.

Я уже сказалъ, что во многихъ изъ мѣстныхъ производствъ мастера настолько оторвались отъ земли, даже отъ всякаго иного труда, что, кромѣ своей заводской работы, ничѣмъ дру-

Библиотека

гимъ заниматься не могутъ; таково, напр., большинство кожевниковъ-„отдѣльщиковъ“, „стругальщиковъ“, мастеровъ-овчинниковъ. Не только мастера, но и среди рабочихъ извѣстный процентъ лицъ совершенно сросся съ даннымъ производствомъ, съ данной отраслью труда. Для всѣхъ такихъ рабочихъ каждый перерывъ въ дѣятельности завода, сопряженный съ временнымъ прекращеніемъ заработка, долженъ быть особенно чувствителенъ. Можетъ быть, эти перерывы еще чувствительнѣе для рабочихъ тѣхъ заводовъ, остановка которыхъ приходится на зимніе мѣсяцы: полевыхъ работъ не можетъ быть, всѣ мастерскія и заводы переполнены, всюду избытокъ рабочихъ силъ, спроса на трудъ никакого.

Я думаю совершенно лишнее прибавлять, что во всѣхъ случаяхъ сокращенія производства или временной пріостановки его, рабочіе, теряющіе заработокъ, не получаютъ отъ заводовладѣльцевъ никакого вознагражденія, никакихъ льготъ. Это само собою понятно, хотя Ивановскій заводъ и нашелъ нужнымъ внести въ условія параграфъ, гласящій, что „по излишеству людей“ каждый рабочій можетъ быть уволенъ съ завода „во всякое время“. Совершенно излишняя предусмотрительность.

Можно установить за общее правило, что рабочихъ дней въ мѣсяцъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе заводъ къ Томску. Тѣ праздники, которые гдѣ-нибудь подъ Барнауломъ или Бійскомъ празднуютъ всѣ заводы, не празднуются рабочими подтомскихъ заводовъ, какъ на нихъ не пользуются рабочіе и воскреснымъ отдыхомъ. Я склоненъ объяснять это вліяніемъ болѣе развитой промышленности Томска, тверже ставшей на почву капитализма: гдѣ на барнаульскихъ, бійскихъ и др. болѣе захолустныхъ заводахъ можно встрѣтиться съ извѣстной степенью патріархальности, ротозѣйствомъ и плутоватымъ благодушіемъ, тамъ на томскихъ заводахъ найдете одинъ разсчетъ, выкладку. Чѣмъ полнѣе, послѣдовательнѣе и дальше проведены этотъ разсчетъ и выкладка, тѣмъ болѣе развитою будетъ считаться промышленность, и обратно. Вотъ это-то „развитіе“ и оказываетъ вліяніе на окружающіе заводы: гг. Ж., Ш. и др. просто учатся считать. Ариѳметическій разсчетъ говоритъ, что для завода выгоднѣе, если 52 праздничныхъ дня рабочій употребитъ на заводскую работу вмѣсто того, чтобы проваляться на печи, проиграть на гармоникѣ или, еще того хуже, пропьянствовать, и воскресные дня превращаются въ простые рабочіе, какъ и всѣ остальные праздники, за исключеніемъ двунадесятыхъ, нѣкоторыхъ царскихъ, двухъ послѣднихъ дней масляницы да Пе-

трова и Николина дней. Тотъ же разсчетъ, какъ увидимъ ниже, прилагается и къ другимъ сторонамъ заводской дѣятельности. Особенно хорошо усвоилъ эту своеобразную ариѳметику крупчатникъ Ж., проводящій ее съ большой послѣдовательностью на Елизаветинскомъ заводѣ.

Барнаульскіе, бійскіе и пр. предприниматели до этого еще не дошли; у нихъ, кромѣ двунадесятыхъ и табельныхъ праздниковъ, не работаютъ во всѣ воскресные дни и во многіе изъ второстепенныхъ праздниковъ, напримѣръ, 20 іюля; въ деревняхъ и горнозаводскихъ селеніяхъ заводы имѣютъ еще болѣе праздниковъ, что и понятно. Киргизы на Троицкомъ крупчатномъ заводѣ подъ Барнауломъ работаютъ, по выраженію мастера, „круглый годъ“, т. е., кромѣ воскресныхъ дней, они имѣютъ только 6 своихъ магометанскихъ праздниковъ и по одному дню въ Пасху, Рождество и масляницу.

Но возвратимся къ притомскимъ заводамъ. На крупчатнѣ Ш. и Ю. въ воскресенье, по заявленію конторы, не работаютъ, что въ дѣйствительности обозначаетъ слѣдующее: заводъ стоитъ одну смѣну—съ 4 ч. утра до 12 дня; въ это время происходитъ чистка машинъ, т. е. на отдыхъ остается, самое большее, часа два. На другихъ заводахъ съ чисткой машинъ обходятся еще проще: она производится во время дѣйствія завода, на ходу. На заводахъ Г. и Ж. въ нерабочіе праздники заводъ пускается въ 4—6 час. вечера, такъ что рабочіе пользуются далеко не всѣмъ праздничнымъ днемъ, а если принять во вниманіе распредѣленіе рабочаго времени въ теченіе сутокъ, то окажется, что при такой системѣ праздничнымъ отдыхомъ пользуются и не всѣ рабочіе—въ лучшемъ случаѣ половина ихъ стоитъ на работѣ, а то $^2/_3$, останавливаютъ ли заводъ на 8 или на 12 часовъ въ сутки. На заводѣ Б. работы останавливаются съ вечера наканунѣ праздника; здѣсь, впрочемъ, по словамъ конторы, и воскресные дни празднуются. На заводѣ Г. стараются такъ подогнать, чтобы въ мѣсяцъ рабочіе имѣли два, иногда три дня праздника, и т. д., и т. д. Впрочемъ, и Иткульскій винокуренный заводъ въ этомъ отношеніи стоитъ не въ послѣднихъ рядахъ: здѣсь работы пріостанавливаются лишь на 3 дня Пасхи и на 3 же дня Рождества; во всѣ же остальные воскресные и праздничные дни заводъ идетъ безостановочно. Пѣтъ праздниковъ и на стеклодѣлательномъ заводѣ. Вообще съ этой стороны заводы оставляютъ желать весьма многаго.

Еще бо́льшаго оставляетъ желать распредѣленіе рабочаго времени въ предѣлахъ сутокъ. Начнемъ съ крупчатныхъ заво-

довъ. На всѣхъ семи крупчатныхъ заводахъ Алтая заведенъ одинъ и тотъ же порядокъ: сутки раздѣляются на три равныя „смѣны", по 8 часовъ каждая, рабочіе же только на двѣ смѣны. Вслѣдствіе этого суточный трудъ распредѣляется между рабочими неравномѣрно, и для части рабочихъ онъ сопровождается восьмичасовымъ перерывомъ, что во всякомъ случаѣ не представляетъ какихъ-либо удобствъ для рабочихъ; наконецъ, для той же части рабочихъ количество труда въ сутки слишкомъ велико. Въ самомъ дѣлѣ, если за починъ работы возьмемъ 4 часа воскресенья, то первая смѣна будетъ непрерывно на работѣ до 12 часовъ ночи, когда ее замѣнитъ вторая смѣна, которая будетъ находиться на заводѣ до 8 ч. слѣдующаго утра; въ это время на работу вновь станетъ первая смѣна и проработаетъ до окончанія сутокъ, т.-е. до 8 час. вечера понедѣльника. Такимъ образомъ, первая смѣна въ теченіе сутокъ проработала 16 часовъ, имѣя всего 8 час. для отдыха, пріема пищи и пр.; вторая имѣла 8 час. работы и 16 час. отдыха, раздѣленнаго на двѣ части. Въ слѣдующія сутки, обратно, первая смѣна будетъ работать 8 часовъ, вторая—16 и т. д.

Контора одного изъ заводовъ увѣряетъ, что рабочіе предпочитаютъ такое распредѣленіе времени двухсмѣнному дѣленію сутокъ при 12-ти-часовой непрерывной работѣ. Очень возможно, что рабочіе находятъ для себя какія-либо удобства въ трехсмѣнномъ дѣленіи сутокъ; тѣмъ не менѣе оно безусловно должно быть осуждено какъ съ гигіенической, такъ и съ общественно-нравственной точки зрѣнія. Чрезмѣрное напряженіе силъ въ одинъ сутки не можетъ быть вполнѣ, безъ всякихъ послѣдствій для здоровья возстановлено даже полнымъ отдыхомъ въ слѣдующія сутки, если это продолжается въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода времени, напр., нѣсколько лѣтъ; тѣмъ труднѣе говорить о полномъ возстановленіи потраченныхъ силъ, если слѣдующій за этимъ отдыхъ въ свою очередь перерывается продолжительнымъ напряженіемъ силъ въ восьми-часовую смѣну вторыхъ сутокъ. Къ этому нужно прибавить, что работа слѣдующихъ сутокъ можетъ прійтись цѣликомъ или частью на ночное время, что послѣ 16-ти-часового труда человѣкъ на слѣдующія сутки долженъ вновь стать на работу, употребивъ на отдыхъ, пріемъ пищи, переходы съ завода домой и обратно, какъ бы коротки они ни были, всего 8 часовъ, т.-е. время, котораго послѣ такого напряженія силъ недостаточно даже для того, чтобы просто стряхнуть съ себя чувство физической усталости.

Не меньше неудобствъ представляетъ такое дѣленіе сутокъ и съ общественно-нравственной стороны. Неправильно распредѣляемое рабочее время необходимо должно отражаться на всемъ складѣ жизни рабочаго, всюду должны вноситься безпорядочность, неровности, скачки. Сколько-нибудь регулярный образъ жизни при такихъ условіяхъ рѣшительно невозможенъ не только для самого рабочаго, но и для всей его семьи: время спа, пріемовъ пищи и пр.—все это зависитъ отъ того, какая смѣна работаетъ на заводѣ. 16-ти-часовой отдыхъ можетъ казаться выгоднымъ для рабочаго, но это именно только можетъ казаться. Эти 16 часовъ, раздѣленные 8-часовымъ заводскимъ трудомъ, должны уходить чуть не цѣликомъ на простой физическій отдыхъ, сонъ и пр., на то, чтобы отдохнуть отъ напряженія прошлыхъ сутокъ и подготовиться къ подобнымъ же слѣдующимъ суткамъ, такъ что для употребленія на себя изъ этого времени у рабочаго остается очень немного.

Съ подобнымъ распредѣленіемъ времени мы уже не встрѣчаемся ни на одномъ изъ остальныхъ частныхъ заводовъ Алтайскаго округа. Правда, въ томъ отдѣленіи стекольнаго завода, гдѣ производится разводка „холявъ“ — первоначальная форма оконнаго стекла,—рабочія сутки также раздѣлены на три части, по 8 ч. каждая, но въ то же время на 3 смѣны раздѣлены и сами разводчики, такъ что каждый изъ нихъ работаетъ въ сутки не болѣе 8 часовъ, въ дѣйствительности же часто и менѣе: разводка производится нѣсколько быстрѣе, чѣмъ заготовленіе холявъ, почему разводчики и выгадываютъ извѣстное число часовъ отдыха въ рабочее время. Чаще всего они стараются такъ подогнать, чтобы пользоваться воскреснымъ днемъ, когда всѣ другіе рабочіе заняты на заводѣ. На такихъ же основаніяхъ распредѣляется время и между шуралями—кочегарами при стеклоплавильныхъ печахъ: каждая изъ трехъ смѣнъ работаетъ по 8 часовъ въ сутки.

Вообще же говоря, рабочее время на стеклодѣлательномъ заводѣ распредѣляется чрезвычайно неправильно, что зависитъ отъ общей постановки даннаго производства въ настоящее время, отчасти же отъ недостаточно внимательнаго отношенія къ интересамъ труда со стороны лицъ, управляющихъ Ивановскимъ заводомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ время распредѣляется неравномѣрно и по отношенію отдѣльныхъ отраслей производства, почему будетъ удобнѣе разсмотрѣть вопросъ о продолжительности рабочаго дня въ стекольномъ производствѣ отдѣльно для каждой его отрасли. Сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что придется го-

ворить о характерѣ труда въ каждой изъ отраслей, безъ чего и самое распредѣленіе работъ не будетъ вполнѣ понятно.

Плавильная печь (простая французская) находится въ непрерывномъ дѣйствіи отъ момента окончанія кладки и первой растопки до разрушенія или необходимости произвести серьезный ремонтъ. Продолжительность этого періода зависитъ отъ качества кирпича, кладки и пр., но долѣе 10 мѣсяцевъ на Ивановскомъ заводѣ ни одна печь не выдерживала, до перваго же ремонта долѣе 5 мѣс.; чаще же всего печь держится 7—8 мѣсяцевъ, иногда нѣсколько дольше, иногда меньше.

Въ зависимости отъ характера печи и ея непрерывнаго дѣйствія находится трудъ всѣхъ, возлѣ нея работающихъ. Сюда прежде всего относится трудъ шуравей, о которыхъ уже говорилось нѣсколько выше; непосредственно за ними слѣдуетъ поставить мастера-стекловара или „варилу“ и при немъ 4 „матерьяльщиковъ“, изъ которыхъ двое находятся съ варилой возлѣ печи, двое другихъ въ особомъ отдѣленіи завода— въ „составной“ и заняты приготовленіемъ массы для варки стекла. Варила и его помощникъ находятся у печи во все время варки стекла, которая продолжается, смотря по составу массы, времени года и нѣкоторымъ другимъ условіямъ, отъ 20 до 40 часовъ, чаще же отъ 26 до 32. Въ это время варила и матерьяльщики могутъ поочередно ненадолго отлучаться, чтобы, напр., напиться чаю, пообѣдать; дозволяется также спать на верстакѣ (помостъ, окружающій печь, на которомъ производятся работы). Но ни эти отлучки, ни этотъ сонъ не могутъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенія при опредѣленіи продолжительности рабочаго дня варилы и другихъ. Нужно только представить себѣ адскую температуру на верстакѣ и всю обстановку „гуты“, о чемъ будетъ сказано ниже, чтобы понять, что 2 — 3 часа сна на верстакѣ при 20—40-часовомъ рабочемъ періодѣ никакъ не могутъ идти въ число часовъ отдыха: только чрезмѣрное истощеніе силъ можетъ заставить человѣка заснуть при такихъ условіяхъ. Почти на ходу выпитый чай, кое-какъ проглоченный обѣдъ также едва ли возможно отнести къ какому-либо виду „отдыха“. Во время переработки сварившейся массы въ стекло и посуду, что продолжается отъ 8 до 12 часовъ, варила и его два товарища могутъ уходить съ завода и отдыхать дома; затѣмъ слѣдуютъ новые 20 — 40 часовъ работы, и опять отдыхъ 8—12 час. и т. д., до тѣхъ поръ, пока не откажется служить печь. Тогда варила и его два товарища переходятъ на другую печь, гдѣ повторяется та же процедура. Впрочемъ, на Ивановскомъ

заводѣ такой порядокъ соблюдается не всегда; чаще за погашеніемъ печи слѣдуетъ ея разборка и затѣмъ новая кладка, на что употребляется около мѣсяца; въ ходъ пускается уже новая печь. Пока печь разбирается и кладется вновь, варилѣ и его товарищамъ дѣлать почти нечего, но они продолжаютъ получать жалованье въ полномъ размѣрѣ. Эти перерывы нѣсколько облегчаютъ тяжесть условій труда въ разсматриваемой отрасли стекольнаго производства.

Матерьяльщики, занятые приготовленіемъ „состава" стеклянной массы, работаютъ часовъ 12 подъ-рядъ, послѣ чего слѣдуетъ отдыхъ около сутокъ. Въ виду неодинаковости затрачиваемаго матерьяльщиками труда при печи и въ составной варила, въ полномъ распоряженіи котораго они находятся, время отъ времени ихъ мѣняетъ, поочередно назначая къ печи одного, другой же работаетъ здѣсь постоянно и является какъ бы помощникомъ варилы; жалованья онъ получаетъ болѣе остальныхъ трехъ товарищей.

Сварившаяся масса перерабатывается въ оконное стекло и посуду холявными и посудными мастерами, баночниками и хлопчиками. Большая часть баночниковъ—подростки лѣтъ по 14—17, хлопчики же дѣти лѣтъ по 8. Рабочее время посудной и холявной группы неодинаково.

Прежде всего на работу становятся посудники—19 мастеровъ, при каждомъ изъ которыхъ по одному подручному баночнику и по одному хлопчику. Смѣна эта работаетъ три часа, уступая затѣмъ мѣсто второй смѣнѣ посудниковъ—чел. 7—9 мастеровъ съ соотвѣтствующимъ числомъ баночниковъ и хлопчиковъ и 10—12 холявныхъ мастеровъ. Часа въ 3 съ небольшимъ посудники успѣваютъ выработать нужное количество массы и уходятъ домой. Ихъ мѣста занимаютъ также мастера-холявщики и работаютъ до конца, пока остается въ горшкахъ масса. Такимъ образомъ, первая смѣна работаетъ 3 часа *въ варку*, вторая—столько же или нѣсколько болѣе; холявщики—9 час. и 6—$5^1/_2$. Между двумя варками массы холявщики обрѣзываютъ холявы, вынимая ихъ изъ калильной печи, а посудники изъ той же печи относятъ посуду въ браковочное отдѣленіе, а оттуда въ лавку и склады. Все это отнимаетъ у нихъ часа 2—3 и болѣе.

На обѣ смѣны посудныхъ мастеровъ полагается 2 откладчика, обязанность которыхъ состоитъ въ принятіи отъ хлопчиковъ выдутой посуды и помѣщеніи ея въ калильную печь. Первую посудную смѣну работаютъ оба откладчика, вторую—одинъ. Слѣдовательно, въ варку одинъ посудный откладчикъ работаетъ

3 ч., другой—6 и болѣе. Въ слѣдующую варку они мѣняются ролями и такимъ путемъ уравниваютъ затрачиваемое каждымъ количество труда. Холявные откладчики работаютъ наравнѣ со своими мастерами; ихъ также двое. О рабочемъ времени разводчиковъ, т.-е. тѣхъ рабочихъ, которые въ особыхъ печахъ расправляютъ холяву (полый цилиндръ) въ листовое стекло, я уже говорилъ выше.

Всѣ эти разнообразныя работы направлены непосредственно на выработку различныхъ сортовъ стекла; но на заводѣ производится много не менѣе разнообразныхъ подготовительныхъ работъ, суточная продолжительность которыхъ также не всегда одинакова въ разныхъ процессахъ производства.

Въ гончарнѣ, гдѣ изготовляютъ громадные горшки для плавки стеклянной массы—„дойницы“, работаютъ отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера, съ тремя перерывами для обѣда и чая, общей сложностью въ 2 ч.; чистаго рабочаго времени, слѣдовательно, 10 ч. въ сутки. На толчеѣ, гдѣ занято человѣкъ 8, работаютъ на двѣ смѣны въ сутки, по 12 час. каждая, съ часовымъ перерывомъ, если заводъ въ полномъ ходу; при уменьшенной дѣятельности—одна смѣна съ 6 ч. утра до 6 и $7^1/_2$ ч. вечера, смотря по времени года (зимою рабочій день короче). Также великъ рабочій день „поторжныхъ“, т.-е. исполняющихъ различныя заводскія работы, но внѣ его стѣнъ, на дворѣ—укупорщики посуды и пр. Въ кузницѣ работаютъ отъ 6 ч. утра до $7—7^1/_2$ ч. вечера, т.-е. чистой работы приходится около 12 часовъ въ сутки.

Изъ остальныхъ алтайскихъ заводовъ непрерывная въ теченіе цѣлыхъ сутокъ работа производится еще лишь на двухъ: на содовомъ заводѣ Пр. въ Барнаулѣ и на Иткульскомъ винокуренномъ подъ Бійскомъ. И тамъ, и тутъ сутки дѣлятся на двѣ равныя смѣны, по 12 ч. каждая. На содовомъ заводѣ каждая смѣна имѣетъ три получасовыхъ перерыва: въ 8 ч. утра (начало работъ дневной смѣны въ 6 ч. утра, окончаніе—6 ч. вечера), 12 ч. дня и 4 ч. вечера; въ это время рабочіе могутъ обѣдать и пить чай. Тѣ же перерывы и для ночной смѣны. На винокуренномъ заводѣ смѣна становится на работу въ 12 ч. дня, другая—въ 12 ч. ночи. Одна обѣдаетъ, другая ужинаетъ передъ началомъ работъ; чай же пить дозволяется въ продолженіе работъ, въ самомъ заводѣ; особаго времени для этого не назначается, такъ какъ заводскія работы такого сорта, что оставляютъ для этого достаточно времени.

На барнаульскихъ кожевенныхъ заводахъ работа начинается въ 4 часа утра и заканчивается лѣтомъ въ 8, а зимою въ 6 ч.

вечера. Лѣтомъ на обѣдъ дается 2 ч., зимою—1; на чай особаго времени не полагается: предоставляется пить его между дѣломъ, во время работъ; слѣдовательно, рабочій день равенъ 16—14 ч., а съ вычетомъ времени на обѣдъ—14—13 ч. Столько же часовъ работаютъ на нѣкоторыхъ заводахъ Змѣиногорска; но здѣсь же, на заводахъ С., М. и др. продолжительность рабочаго времени мнѣ была опредѣлена иная: отъ 8 ч. утра до 8 вечера съ двумя перерывами въ $2^1/_2$ ч. (зав. С.) и даже съ 8 ч. утра до 6 вечера съ такими же перерывами, какъ и на предыдущемъ заводѣ (зав. М.). Эти данныя настолько противорѣчатъ всѣмъ другимъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ о продолжительности рабочаго дня на кожевенныхъ заводахъ,—свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ самихъ владѣльцевъ и ихъ довѣренныхъ,—что я склоненъ объяснить ихъ желаніемъ гг. С., М. и др. скрыть дѣйствительное положеніе дѣла отъ посторонняго глаза.

Еще больше продолжительность рабочаго дня на овчинныхъ заводахъ, гдѣ работы начинаются также въ 4 ч. утра и заканчиваются въ 9 ч. вечера, съ тремя получасовыми перерывами въ 7, 11 и 4 часа для обѣда и чая; лѣтомъ на обѣдъ, вмѣсто $^1/_2$ часа, дается 1 ч., такъ что въ общемъ всѣ три перерыва даютъ 2 ч., а не $1^1/_2$, какъ зимой. Иногда работа начинается въ 3 ч. утра и въ такомъ случаѣ заканчивается въ 8 и даже 7 ч. вечера. Рабочій день, слѣдовательно, будетъ 16—17 ч., а чистой работы 15—$15^1/_2$ ч.

Слѣдующее мѣсто по продолжительности дневныхъ работъ занимаетъ пивоваренный заводъ В.—17 часовъ во время варки и 15 въ остальное, при трехъ перерывахъ въ два часа; затѣмъ свѣчно-мыловаренные и свѣчно-восковые заводы; на нихъ рабочій день 15—13 ч. Въ свѣчно-мыловаренномъ производствѣ, во время подвоза сала, работа продолжается часовъ по 20, въ другое время гораздо меньше. На свѣчно-восковыхъ заводахъ рабочее время распредѣляется болѣе равномѣрно: отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера съ однимъ перерывомъ въ два часа во всякое время года.

Изъ этого краткаго обзора рабочаго времени между прочимъ видно, что тамъ, гдѣ работа производится непрерывно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, распредѣленіе рабочаго времени въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно неудачно; гдѣ же работа лишь дневная, тамъ продолжительность работъ слишкомъ велика. Исключеніе составляетъ Ивановскій стеклодѣлательный заводъ, на которомъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства рабочій періодъ, взятый самъ по себѣ, невеликъ: отъ 3 до 6

и 7 часовъ. Но надо знать условія самаго производства; надо самому хоть разъ видѣть обстановку, при которой происходитъ работа, чтобы понять, что три часа такой работы стоятъ 15—18 часовъ иной заводской же работы.

III.

Нельзя сказать, чтобы обстановка работы на большинствѣ частныхъ алтайскихъ заводовъ была сколько-нибудь удовлетворительна съ точки зрѣнія требованія фабричной гигіены, хотя бы самыхъ скромныхъ. Можно, правда, назвать рядъ заводовъ, своей внутренней обстановкой производящихъ самое благопріятное впечатлѣніе; таковы, напр., Иткульскій винокуренный заводъ П. и К°, того же владѣльца Троицкій крупчатный заводъ, крупчатные же заводы Повалишинскій Ф. и Бердъ Г. и немногіе другіе. Но это все рѣдкія исключенія, стоящія въ видимомъ противорѣчіи съ общей постановкой дѣла. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются кожевенные и овчинные заводы, и именно на этихъ заводахъ, какъ мы видѣли, рабочій день особенно длиненъ. Не блещетъ удобствами и единственный не только на Алтаѣ, но и во всей Сибири содовый заводъ, а также Ивановскій стекольный, нѣкоторые изъ крупчатныхъ и др. заводы.

Со стороны внутренняго устройства почти половину крупчатныхъ заводовъ нужно отнести къ разряду неудовлетворительныхъ Главнѣйшіе недостатки ихъ—тѣснота, узость проходовъ между машинами, отсутствіе какихъ-либо ограждeній опасныхъ частей механизмовъ, неудачное расположеніе передаточныхъ ремней, недостатокъ выходовъ, отсутствіе баковъ для воды на случай пожара и т. д.; въ этомъ можно упрекнуть большую часть заводовъ. На такомъ крупномъ заводѣ, напр., какъ Алеинскій Б., мы не находимъ никакихъ ограждeній, кромѣ ограждeній махового колеса и идущаго отъ него привода; шестерни и другія опасныя части механизмовъ не прикрыты, передаточные ремни кожуховъ не имѣютъ и т. д. Лѣстницы чрезвычайно узки, какъ и нѣкоторые проходы, наружныхъ лѣстницъ нѣтъ, только верхній этажъ соединенъ съ сосѣднимъ амбаромъ деревяннымъ помостомъ. Съ тѣми же недостатками мы встрѣчаемся на Чернопятовскомъ, Троицкомъ Ш. и Ю. и нѣк. друг. заводахъ. Особенно же обращаетъ на себя вниманіе по неудовлетворительности своего внутренняго устройства заводъ Ж. подъ Колыванью. Здѣсь тѣснота достигаетъ, кажется, послѣднихъ предѣловъ возможнаго: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

между машинами пройти вовсе нельзя; въ остальныхъ проходы тѣсны, завалены мѣшками съ мукой; лѣстница только съ одной стороны завода, но и та помѣщается въ какомъ-то закоулкѣ, куда попасть можно, только хорошо зная внутреннее расположеніе зданія. Вторую лѣстницу должны замѣнять два балкона верхняго этажа, къ которымъ приставлены наружныя лѣстницы; польза этихъ балконовъ, однако, весьма сомнительна. Не говоря уже о томъ, что къ балкону трудно пройти вслѣдствіе запутанности переходовъ, тѣсноты и грудъ мѣшковъ съ крупчаткой, самый выходъ въ дверь очень затруднителенъ, если только вообще возможенъ; по крайней мѣрѣ, мои личныя попытки пройти въ дверь ни къ чему не привели, и я долженъ былъ отказаться отъ удовольствія побывать на балконѣ. Дѣло въ томъ, что передъ самой дверью, которая и сама по себѣ не широка, проходитъ передаточная труба, дѣлящая дверь на двѣ части, каждая изъ которыхъ слишкомъ узка, чтобы служить свободнымъ проходомъ для человѣка. Остроуміе подобнаго сооруженія можетъ равняться внимательности владѣльца завода къ человѣческой жизни. Эти балконы имѣютъ спеціальное назначеніе служить для рабочихъ выходомъ въ случаѣ пожара въ верхнихъ этажахъ, откуда одного внутренняго выхода недостаточно. Между тѣмъ, въ случаѣ пожара-то эти балконы всего менѣе могутъ служить: если человѣку такъ трудно попасть туда въ обычное время, то можно представить, какую службу они сослужатъ во время пожара, когда подъ вліяніемъ паники люди бросятся именно сюда, ища спасенія, и здѣсь-то обрѣтутъ себѣ могилу, такъ какъ очень немногимъ изъ толпы удастся проскользнуть въ эти щели. Мастеръ завода увѣряетъ, впрочемъ, что „они пролѣзутъ“. Въ противоположность большинству крупчатныхъ заводовъ, здѣсь положительный недостатокъ дневного свѣта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо темно. Въ ночное время заводъ освѣщается электричествомъ.

Немногимъ лучше обстановка на заводѣ Ш. и Ю. и нѣк. другихъ. Тѣмъ пріятнѣе производятъ впечатлѣніе крупчатный заводъ П. въ Барнаулѣ и еще болѣе заводъ Ф. тамъ же и Бердъ Г. На всѣхъ этихъ заводахъ бросаются въ глаза чистота, свободная разстановка машинъ, широкія, отлогія лѣстницы и пр. Въ этомъ отношеніи лучше всѣхъ обставлены два послѣдніе изъ названныхъ заводовъ. На заводѣ Ф. просторнѣе размѣщены машины, всѣ ремни снабжены кожухами въ нужныхъ мѣстахъ и пр.; у Г. все это, хотя нѣсколько тѣснѣе, но щеголеватѣе, бьетъ на эффектъ. Кожухи имѣются далеко не вездѣ; въ нѣко-

торыхъ этажахъ передаточные ремни расположены недостаточно удобно: при проходѣ постоянно нужно остерегаться, какъ бы не задѣть за скользящіе въ разныхъ направленіяхъ ремни,—то приходится наклоняться подъ ними, то переступать черезъ нихъ. Все это, разумѣется, недостатки и очень серьезные, но послѣ заводовъ, подобныхъ заводу Ж., ихъ положительно не замѣчаешь: чистота, опрятность, обиліе свѣта, просторъ—вотъ что бросается прежде всего въ глаза.

Недостаткомъ всѣхъ заводовъ является устройство самаго нижняго отдѣленія, гдѣ помѣщаются водяныя колеса. Здѣсь низко, тѣсно, сыро и скользко. Постоянно здѣсь никто не работаетъ, но зимой приходится спускаться раза по два въ сутки и чаще одному-двумъ рабочимъ для обиванія настывшаго на колесахъ льда. Эта работа сопряжена съ большими опасностями, такъ какъ исполнять ее приходится во время хода завода, цѣпляться за всякую неровность въ стѣнѣ, за всякій выступъ, чтобы удобнѣе помѣститься. Малѣйшая неосторожность грозитъ моментальной смертью или калѣчествомъ на всю жизнь. Особенно тяжела эта работа ночью, когда одна рука занята свѣчей, задуваемою вѣтромъ. Я знаю случай, когда вѣтеръ задулъ свѣчу, и рабочій нѣсколько часовъ просидѣлъ на морозѣ, гдѣ-то между колесами, боясь пошевелиться, чтобы не сорваться подъ колесо. Крики, заглушаемые шумомъ колесъ, не были услышаны. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ случайно найденъ другимъ рабочимъ. Это отдѣленіе никогда не освѣщается, да въ него врядъ ли кто и заглядываетъ, кромѣ самихъ рабочихъ. На нѣкоторыхъ заводахъ, впрочемъ, вводятся тюрбины, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и самое колесное отдѣленіе. Напр., у Г. отдѣленіе, гдѣ находится тюрбина, производитъ очень хорошее впечатлѣніе: все, что только представляетъ какую-нибудь опасность, предусмотрительно огорожено барьерами и прикрыто щитками.

Другую слабую сторону всѣхъ заводовъ представляетъ обивное или обдерное отдѣленіе, гдѣ производится первоначальная чистка зерна и обдирка его. Мелкая пыль до того наполняетъ это отдѣленіе, что сквозь ея густые слои съ трудомъ можно различить свѣтъ электрической лампочки. Къ счастью, оставаться въ этомъ отдѣленіи рабочимъ приходится не особенно долго, они заходятъ въ него лишь на короткое время, такъ что вредъ для здоровья рабочихъ уменьшается до извѣстной степени; но и недолгаго пребыванія, если оно часто повторяется, совершенно достаточно, чтобы разстроить дыхательные органы.

Вотъ почему было бы желательно, чтобы рабочимъ, вынужденнымъ работать тутъ во время дѣйствія завода, выдавались респираторы, которые хоть нѣсколько защищали бы ихъ отъ вдыханія пыли.

Всѣ крупчатные заводы обладаютъ однимъ общимъ свойствомъ, выгодно выдѣляющимъ ихъ изъ ряда почти всѣхъ остальныхъ. Я говорю о замѣчательной чистотѣ воздуха. Даже заводъ Ж. не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, хотя на немъ и грязнѣе, чѣмъ на всѣхъ прочихъ.

Обиліемъ, чистотой воздуха и опрятностью всей обстановки отличается также Иткульскій винокуренный заводъ П. и К°. Расположеніе чановъ просторно и удобно, заводъ имѣетъ два выхода, такъ что въ пожарномъ отношеніи представляетъ менѣе опасности, чѣмъ многіе другіе. Особенно хорошо „аппаратное“ отдѣленіе, гдѣ, между прочимъ, помѣщается и контрольный снарядъ. Мнѣ приходилось видѣть и другіе винокуренные заводы въ Сибири, и я долженъ сказать, что по внутреннему благоустройству заводъ П. положительно лучшій.

Изъ всѣхъ кожевенныхъ заводовъ Барнаула, Бійска, Змѣиногорска, Павловска, не говоря уже о деревенскихъ, сколько-нибудь сносно обставленъ лишь одинъ заводъ С. подъ Барнауломъ. Здѣсь всѣ отдѣленія просторны и свѣтлы; даже въ квасильномъ, наиболѣе грязномъ по самому характеру своего производства, нѣтъ того смрада, сырости, непролазной грязи, которые являются столь характерными для алтайскихъ кожевенныхъ заводовъ. Я не могу сказать, что здѣсь сухо, чисто и пр.,— нѣтъ, всѣ недостатки, присущіе вообще сибирскимъ кожевеннымъ заводамъ, мы встрѣчаемъ и здѣсь, но въ гораздо меньшей степени, и въ этомъ коренная разница. Въ другихъ отдѣленіяхъ нѣтъ даже сырости и пр. недостатковъ квасильнаго: помѣщенія просторныя, свѣтлыя, воздухъ, хотя и пропитанъ характернымъ запахомъ кожи, но относительно чистъ и сухъ. Особенно удовлетворительна отдѣлочная мастерская, гдѣ выдѣлывается гамбургскій товаръ и помѣщается сапожная.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать и десятой доли того же о всѣхъ другихъ кожевенныхъ заводахъ Алтайскаго округа. Отличительными чертами всѣхъ ихъ служатъ сырость, ѣдкій, губительный воздухъ, въ которомъ тяжело оставаться долѣе нѣсколькихъ минутъ, грязь и темнота—на многихъ такъ мало оконнаго свѣта, что съ трудомъ можно различать предметы, войдя съ улицы, пока глазъ не привыкнетъ къ полумраку. Чаны, какъ квасильный, такъ и зольный, хотя и прикрываются, но чаще

всего плохо, такъ что возможность провалиться въ нихъ всегда достаточно велика. Такова общая физіономія мѣстнаго кожевеннаго завода. Особенности, характеризующія каждый изъ нихъ, придающія ему индивидуальныя черты, сводятся къ большей или меньшей степени неустройства: на одномъ совершенный мракъ, когда на другомъ съ грѣхомъ пополамъ кое-что можно еще разобрать; тамъ воздухъ настолько тяжелъ, что затрудняется дыханіе, здѣсь хотя и скверно, но все же въ переносъ—и т. п. Чтобы составить представленіе объ этихъ заводахъ, возьмемъ нѣсколько для образчика.

Вотъ заводъ, принадлежащій В. С. и считающійся однимъ изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ заводовъ. Это — длинное, низкое бревенчатое зданіе, раздѣленное поперечной стѣной на двѣ части. Въ первомъ отдѣленіи помѣщаются зольные чаны, и носитъ оно названіе „зольни“; во второмъ, называемомъ „дубильня“, — дубильные чаны; тутъ же и сушильня. Въ первомъ отдѣленіи вынутыя изъ зольниковъ кожи складываютъ въ „штабеля“, гдѣ онѣ и „прѣютъ“; во второмъ ихъ очищаютъ отъ шерсти, скоблятъ и сушатъ. Вотъ и все „заведеніе“. Отапливается оно желѣзной печью, труба которой разноситъ тепло по обоимъ отдѣленіямъ. Помѣщеніе очень низкое, едва освѣщаемое крохотными, загрязненными окопцами, черезъ которыя плохо проникаетъ дневной свѣтъ. Вездѣ лужи воды, грязь, слизь, всякая мерзость; это въ первомъ отдѣленіи. Во второмъ та же картина, но къ ней нужно прибавить кучи начищенной шерсти и настроганной мездры (внутренняя сторона кожи); въ первомъ на парахъ „штабеля“, прикрытые рогожами. Воздухъ тяжелый и ѣдкій до того, что щиплетъ глаза. Нѣкоторые рабочіе—полунагіе, въ одной короткой рубахѣ, безъ штановъ, человѣка два въ кожаныхъ фартукахъ. Отдѣлочная мастерская въ особой избѣ: здѣсь работаютъ надъ отдѣлкой кожи; здѣсь же живутъ рабочіе, по стѣнамъ развѣшена одежда; спятъ на станахъ-верстакахъ. Атмосфера тяжелая, ѣдкая, хотя и сухая.

Заводъ М.—низкое, каменное (большая рѣдкость) зданіе, темное, изъ одной комнаты: тутъ и зольня, и дубильня, и сушильня; отдѣлочное и красильное отдѣленія помѣщаются въ особой избѣ; къ каменному зданію сдѣлана пристройка—деревянный сарай для лѣтнихъ работъ, когда заводъ расширяетъ свою дѣятельность. Тѣ же грязь, сырость, удушливый, ѣдкій воздухъ, что и на предыдущемъ заводѣ, только въ усиленной степени.

На заводѣ И. С. первое отдѣленіе — зольня, полъ которой

составляютъ крышки чановъ, мокрыя, грязныя, ослизлыя; несмотря на то, что ворота были открыты настежь, воздухъ спертый, смрадный. Еще хуже второе отдѣленіе — дубильня: чаны ничѣмъ не ограждены и не прикрыты; воздухъ еще тяжелѣе и ѣдче, грязь не меньшая. Верхній этажъ зданія представляетъ полутемную комнату—это отдѣлочная, она же и казарма. Вдоль одной стѣны нары, на которыхъ во время работы помѣщаются рабочіе, а ночью на нихъ спятъ; въ углу виситъ ихъ одежда, а подъ нарами сундуки. Вездѣ грязь. Слѣдующая комната—сушильня, гдѣ на шестахъ развѣшаны сотни кожъ, распространяющихъ ѣдкій смрадъ. Дверь въ первую комнату, казарму—отдѣлочную, не навѣшена, почему всѣ испаренія отъ сохнущихъ кожъ безпрепятственно проникаютъ туда. Другая сушильня сбоку; входъ въ нее изъ сѣней.

Я могъ бы дѣлать еще и еще выписки изъ записной книжки, но думаю, что и приведенныхъ болѣе чѣмъ достаточно. Мнѣ остается прибавить одно: на всѣхъ этихъ заводахъ я былъ лѣтомъ, когда двери съ улицы не запираются, часть работъ производится внѣ зданія, когда, слѣдовательно, обстановка въ мастерскихъ должна быть хоть нѣсколько сноснѣе—чище воздухъ, меньшая скученность и т. д. Зимой же эти заводы должны производить еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ лѣтомъ.

Необходимо сказать два слова о толчеяхъ, имѣющихся при большинствѣ кожевенныхъ заводовъ для измельченія „дуба“—сухой ивовой коры. Толчея—это небольшой деревянный срубъ, въ родѣ мельничнаго, въ которомъ дѣйствуютъ 10—20 деревянныхъ съ желѣзными наконечниками пестовъ, приводимыхъ въ движеніе водой. Раздробляемая кора отдѣляетъ массу чрезвычайно тонкой пыли, толстымъ слоемъ покрывающей стѣны амбара. Во время работы пестовъ амбарчикъ буквально переполняется пылью, сквозь облака которой не всегда можно различить противоположную стѣну. Никакихъ приспособленій для предохраненія рабочихъ отъ дѣйствія этой пыли ни на одномъ заводѣ нѣтъ; рабочіе нигдѣ даже не повязываютъ себѣ ротъ и носъ тряпкой, которая до извѣстной степени все же задерживала бы пыль. О респираторахъ нечего и говорить — здѣсь о нихъ и не слыхали.

Овчинные заводы также похожи одинъ на другой, и обстановка ихъ еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ на кожевенныхъ. Типичнымъ для Алтая овчиннымъ заводомъ будетъ бревенчатое зданіе, иногда раздѣленное внутренней стѣной на двѣ, даже на три части (послѣднее чрезвычайно рѣдко). Окна неболь-

шія, едва пропускающія дневной свѣтъ. Въ первомъ отдѣленіи помѣщается квасильня, гдѣ овчины подвергаются первоначальной обработкѣ; во второмъ квасильня и сушильня; иногда каждое изъ этихъ отдѣленій помѣщается особо. Мелкая шерстяная пыль, удушливый, ѣдкій воздухъ, отравляемый выдѣленіями изъ квасильнаго чана и красящими веществами, слишкомъ высокая температура, темнота, сырость, непролазная грязь, покрывающая земляной полъ, закопченныя стѣны—все это дѣлаетъ пребываніе въ заводѣ для непривычнаго человѣка почти невозможнымъ долѣе нѣсколькихъ секундъ. Пробывши минуту—двѣ, я выходилъ изъ завода съ отуманенной головой и бьющимся сердцемъ; на нѣкоторыхъ заводахъ воздухъ былъ такъ удушливъ, что не было рѣшительно никакой возможности остаться тамъ даже на такое короткое время, чтобы оглядѣться и поздороваться съ работающими тамъ людьми, и я выскакивалъ на улицу. Такова обстановка овчинныхъ заводовъ въ Барнаулѣ; такова же она и въ другихъ пунктахъ Алтая—ни лучше, ни хуже. Для характеристики же отдѣльныхъ заводовъ я вновь обращусь къ записной книжкѣ, куда мною заносились непосредственныя впечатлѣнія моего знакомства съ частной алтайской промышленностью.

Вотъ заводъ П. С. подъ Барнауломъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ и лучшихъ мѣстныхъ заводовъ не въ смыслѣ обстановки, а по качеству вырабатываемаго товара. Мастерскія убійственно дурны: грязны, закопчены, темны, пропитаны ѣдкимъ запахомъ, съ трудомъ переносимымъ. Температура чрезвычайно высока, такъ что всѣ рабочіе безъ рубахъ, въ однихъ штанахъ, босикомъ. Двери выходятъ непосредственно на улицу и постоянно отворяются, причемъ работающихъ обдаетъ волнами врывающагося морознаго воздуха. Отхожее мѣсто помѣщается на улицѣ подъ открытымъ небомъ, рабочіе для надобности выскакиваютъ изъ мастерской въ томъ же видѣ, въ какомъ работаютъ, т.-е. безъ рубахъ и босикомъ. Это дѣлается, впрочемъ, и на всѣхъ другихъ заводахъ, какъ овчинныхъ, такъ и кожевенныхъ, стекольныхъ проч. На заводѣ П. П. мастерскія относительно высоки, но темны и тѣсны; остальное то же, что у С.: жаръ, клубы пара, ѣдкая пыль отъ струганья овчины и расчесыванья шерсти, грязь, копоть, ѣдкія выдѣленія овчинъ и красокъ. Этотъ заводъ вмѣстѣ съ пряничнымъ, сыромятнымъ, мыловареннымъ и свѣчно-салотопеннымъ заведеніями составлялъ отдѣльную заимку, стоявшую одиноко отъ другихъ подгородныхъ заводовъ. На этой заимкѣ жило довольно много народу, но во время холерной

эпидеміи 1892 года большинство ихъ вымерло вмѣстѣ съ семействомъ владѣльца. Эта заимка, какъ видно изъ доклада А. Н. Недзвецкаго Обществу любителей изслѣдованія Алтая, служила однимъ изъ очаговъ эпидеміи въ Барнаулѣ. Уже одинъ этотъ фактъ достаточно характеризуетъ овчинные заводы со стороны ихъ внутренняго благоустройства.

Съ обстановкой мыловаренно-салотопенныхъ заводовъ насъ познакомитъ заведеніе О. М. въ Змѣиногорскѣ, которое нужно отнести къ числу лучшихъ въ округѣ.

Оба завода, т.-е. мыловаренный и свѣчно-салотопенный, въ сущности составляютъ одно цѣлое: въ одномъ и томъ же чану и мыло варятъ, и на свѣчи сало топятъ. Заводъ помѣщается въ подвалѣ деревяннаго строенія, и въ него ведетъ 5—6 ступенекъ внизъ. Заводъ раздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ каждое представляетъ довольно тѣсное помѣщеніе, съ земляннымъ поломъ, низкимъ потолкомъ, сырыми, ослизлыми стѣнами. Впрочемъ, въ отдѣленіи, гдѣ льютъ свѣчи, полъ деревянный, и оно нѣсколько свѣтлѣе перваго Несмотря на то, что я видѣлъ этотъ заводъ лѣтомъ, когда въ немъ не работали, онъ давалъ себя чувствовать уже довольно далеко, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, а спустясь по лѣсенкѣ въ помѣщеніе завода, я вынужденъ былъ платкомъ зажимать носъ,—такъ силенъ былъ исходившій изъ подвала смрадъ. Въ самой мыльнѣ сырость, грязь, гніющіе отбросы сала и т. п. Въ другомъ отдѣленіи меньше сырости, не такъ великъ смрадъ отъ разлагающагося сала, но все же достаточно. Пробывъ на заводѣ съ полчаса, я вышелъ изъ него съ головной болью, совершенно отуманенный. Нужно сказать, что я былъ на заводѣ вскорѣ послѣ очистки его въ ожиданіи развитія холерной эпидеміи. Можно представить, что́ изображаетъ изъ себя заводъ въ обычное время, спокойное теченіе котораго не нарушается никакими „чистками“!

Стекольное производство, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ нездоровыхъ, чему способствуетъ до извѣстной степени и обстановка труда. Алтайскій заводъ въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличается отъ громаднаго большинства русскихъ стекольныхъ заводовъ. Благодаря полному отсутствію фабричнаго надзора, здѣсь болѣе примѣняется дѣтскій трудъ, и въ этомъ, можетъ быть, все его отличіе отъ заводовъ Европейской Россіи, подчиненныхъ фабричной инспекціи. Я все же нахожу нужнымъ дать здѣсь хоть краткую характеристику условій труда на Ивановскомъ заводѣ, такъ какъ онъ стоитъ особ-

някомъ не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ—по распредѣленію рабочаго времени, рабочей платѣ, составу рабочихъ и пр.

Прежде всего обратимся къ тому отдѣленію завода, гдѣ происходитъ плавка стеклянной массы, выработка оконнаго стекла и посуды, закалка ихъ и пр. Отдѣленіе это, какъ и на всѣхъ другихъ заводахъ, носитъ названіе „гуты", а рабочіе, занятые въ немъ, извѣстны подъ именемъ „гутейцевъ.

Гута Ивановскаго завода—обширный бревенчатый сарай съ высокой крышей, безъ оконъ и потолка. Двери замѣняются двумя воротами въ противоположныхъ стѣнахъ; полъ земляной, неровный. Здѣсь помѣщаются: двѣ плавильныхъ печи, гдѣ варится стекло (на противоположныхъ конца сарая), двѣ калильныхъ („ошовъ холявный" и „ошовъ посудный"), печь для обжига плавильныхъ горшковъ („ошовъ горшечный"), наконецъ, печь „разводная". Калильныя печи помѣщаются между плавильными, у стѣнъ, съ каждой стороны по одной; остальныя двѣ—въ одной изъ сторонъ гуты, за плавильной печью.

Плавильная или стекловарильная печь построена въ кругломъ углубленіи, сдѣланномъ въ земляномъ полу гуты, аршина на $1^1/_2$; самая печь, также круглая, въ верхней части сходится сводомъ и напоминаетъ своей формой киргизскую юрту, только значительно уже. Такимъ образомъ, между стѣнками печи и стѣнками ямы, въ центрѣ которой она выведена, получается корридоръ, аршина въ три ширины, охватывающій печь кругомъ. Верхняя часть внѣшней стѣнки корридора открыта и остается свободной для доступа воздуха. Потолкомъ корридора служитъ деревянный помостъ, охватывающій печь кольцомъ на извѣстной высотѣ и носящій названіе „верстака"; онъ нѣсколько шире корридора. Съ помоста-верстака на полъ гуты ведутъ „сходни",—не особенно широкія, колеблющіяся подъ ногами доски съ прибитыми на нихъ поперечными планками; никакихъ перилъ нѣтъ. Сходни эти—совершенное подобіе тѣхъ, какія употребляются на плохихъ пароходахъ и баржахъ; здѣсь онѣ только гораздо короче, такъ какъ подниматься приходится не особенно высоко—арш. на $2^1/_2$—3.

Печь имѣетъ двѣ топки, выходящія въ земляной корридоръ, о которомъ говорилось выше. Несмотря на то, что отверстіе топки всего 6 вершковъ въ діаметрѣ, оно, никогда не закрываясь, испускаетъ столько теплоты, что для непривычнаго человѣка даже короткое пребываніе въ корридорѣ нестерпимо. Жаръ становится еще невыносимѣе, когда во время выдѣлки

оконнаго стекла черезъ отверстія въ верстакѣ-потолкѣ поминутно спускаются 12 раскаленныхъ шаровъ стекляннной массы, которыми холявщики медленно размахиваютъ, придавая шару цилиндрическую форму; этими раскачиваніями вызывается движеніе раскаленнаго воздуха. Неудивительно послѣ этого слышать мнѣніе фабричнаго инспектора В. В. Святловскаго, что въ этихъ корридорахъ „буквально адъ“ [3]).

Къ этому нужно еще прибавить разность температуры зимою въ различныхъ пунктахъ земляного корридора. Какъ сказано, внѣшняя стѣнка въ своей верхней части открыта и доступна вліянію воздуха гуты; поэтому зимою шураль испытываетъ одновременно двойную температуру: съ внутренней стороны тѣснаго помѣщенія нестерпимый жаръ, съ внѣшней его обдаютъ волны морознаго вѣтра, постоянно гуляющаго по гутѣ, благодаря раскрытымъ воротамъ, щелеватымъ стѣнамъ и раскаленнымъ печамъ. Все это дѣлаетъ работу шуралей одною изъ самыхъ тяжелыхъ.

Это, такъ сказать, общія неблагопріятныя условія, въ которыя поставленъ трудъ шуралей, встрѣчающіяся едва ли не на всѣхъ россійскихъ стекольныхъ заводахъ. Но есть еще чисто мѣстныя условія, дающія также себя чувствовать и являющіяся уже особенностью даннаго завода. Ивановскій заводъ расположенъ подъ горой, на берегу рѣчки, на болотистой почвѣ, такъ что печи приходится ставить на сыромъ мѣстѣ, что, разумѣется, должно оказывать вліяніе на ихъ прочность. Чтобы отвести изъ-подъ печей воду, въ полу корридора роютъ ямы, въ которыхъ она скопляется; отсюда ее вычерпываютъ и канавкой выводятъ изъ заводскихъ стѣнъ. Вслѣдствіе этого полъ корридора всегда мокрый, стѣны сырыя; къ нестерпимому жару присоединяется еще болотная сырость и испаренія.

Врядъ ли легче работа холявныхъ и посудныхъ мастеровъ, баночниковъ и хлопчиковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, что стоятъ на верстакѣ стекловарильной печи. Вмѣсто двухъ топокъ нижняго корридора, здѣсь на высотѣ груди средняго человѣка въ плавильной печи расположено 12 круглыхъ отверстій, вершковъ по 5—6 въ діаметрѣ. Черезъ эти отверстія рабочіе берутъ расплавленную стеклянную массу, и во все время работы на верстакѣ эти отверстія остаются открытыми. Температура стеклянной массы поднимается отъ 1100 до 1700°Ц, на разстояніи же $1^1/_2$ арш. отъ отверстій печи температура воздуха достигаетъ

[3]) В. В. Святловскій. „Фабричная гигіена“. Спб., 1891 г., стр. 541.

60—70°R [4]). Во все время переработки массы рабочіе остаются на верстакѣ, непосредственно возлѣ отверстій, откуда приходится брать расплавленное стекло изъ дойницъ на двухаршинную трубку. Зацѣпивъ на конецъ трубки каплю,—а капля эта иногда вѣситъ 30—40 фун. при выдѣлкѣ оконнаго стекла,—рабочій изъ всѣхъ силъ начинаетъ выдувать ее, какъ мыльный пузырь, взявъ другой конецъ трубки въ ротъ; въ то же время онъ вращаетъ трубку, раскачиваетъ, то поднимаетъ ее вверхъ, то опускаетъ внизъ—вообще, дѣлаетъ самыя разнообразныя движенія, чтобы придать выдуваемой вещи нужную форму. Работа эта требуетъ быстроты и напряженія всѣхъ силъ человѣка, такъ какъ масса довольно быстро стынетъ и дѣлается негодной для обработки; на вещь средней величины—бутылку и т. п.—рабочій затрачиваетъ не болѣе 1—1½ минуты. У каждаго посуднаго мастера есть подручный—баночникъ, съ которымъ они вмѣстѣ работаютъ, и, кромѣ того, хлопецъ, относящій каждую вещь отдѣльно въ калильную печь. Хлопецъ находится въ постоянномъ движеніи: пока выдувается одна бутылка, стаканъ и пр., другую онъ долженъ успѣть отнести въ калильную и возвратиться обратно; чтобы не задерживать работу мастера; для этого ему нужно сбѣжать со сходней, пробѣжать черезъ всю гуту взадъ и впередъ и опять подняться на верстакъ. Тутъ ужъ некогда смотрѣть подъ ноги, почему хлопцы часто падаютъ со сходней, проваливаются чрезъ выемки верстака въ корридоръ шураля, рѣжутъ ноги стекольнымъ „боемъ“ и т. д. Холявные мастера сами относятъ готовыя холявы въ калильную печь.

Я не буду подробно описывать работу каждаго изъ стоящихъ на верстакѣ—и изъ сказаннаго уже видно, какъ она должна быть тяжела. Здѣсь же отмѣчу только одну черту, дѣлающую эту работу еще вреднѣе для здоровья.

Столь высокая температура, когда человѣкъ буквально жарится на огнѣ, вызываетъ непрерывную испарину у рабочихъ: потъ градомъ льется съ нихъ, что еще болѣе изнуряетъ ихъ и обезсиливаетъ. Постоянная, ничѣмъ неутолимая жажда томитъ ихъ. Чтобы какъ-нибудь умѣрить вліяніе высокой температуры, рабочіе нѣсколько разъ въ смѣну выбѣгаютъ изъ гуты и бросаются во всей одеждѣ въ воду пруда, какъ бы она ни была холодна, а затѣмъ, едва освѣжившись, опять бѣгутъ на верстакъ. Купанья эти продолжаются, пока не замерзнетъ рѣка.

---

[4]) В. В. Святловскій. „Фабр. гигіена“, стр. 537—539.

Такіе рѣзкіе переходы отъ нестерпимаго жара къ холодной водѣ и обратно не могутъ оставаться безъ вліянія на здоровье, хотя бы самое крѣпкое. Особенно трудно приходится зимой, во время морозовъ. Разница въ температурѣ на верстакѣ бываетъ такъ сильна, что, по словамъ рабочихъ, въ то время, какъ одну сторону тѣла, обращенную къ печи, жжетъ огнемъ, другая мерзнетъ отъ холода; случается, что рубаха обмерзаетъ. Этому можно повѣрить, такъ какъ, по измѣренію проф. Эрисмана, температура гуты на разстояніи 10 аршинъ отъ печныхъ отверстій близко подходитъ къ температурѣ уличнаго воздуха. Постоянные сквозняки дѣлаютъ пребываніе на верстакѣ еще болѣе нездоровымъ. Упомянемъ о грязныхъ корытахъ, наполненныхъ грязной, вонючей водой, въ которой мастера охлаждаютъ разогрѣвшіеся инструменты. Мнѣ приходилось видѣть, какъ баночники и хлопцы, иногда и сами мастера, обезсиленные жаромъ, время отъ времени подбѣгали къ этимъ корытамъ и смачивали изъ нихъ лица, головы, чтобы хоть немного освѣжиться—на грязь и вонь никто уже не обращаетъ вниманія.

Нерѣдко мастера—а хлопцы всѣ—работаютъ босикомъ, почему постоянно происходятъ пораненія ногъ битымъ стекломъ, вездѣ разбросаннымъ; не менѣе часто бываютъ пораненія при купаньѣ въ рѣчкѣ, куда сваливаютъ стекольный бой. Мнѣ приходилось видѣть много и взрослыхъ рабочихъ, и дѣтей, ноги которыхъ были обвязаны грязными тряпками—это все поранившіеся „боемъ“.

Ко всѣмъ непріятнымъ и нездоровымъ условіямъ работы въ гутѣ присоединяются еще неудобства, проистекающія отъ употребленія недоброкачественнаго топлива: иногда топка производится дровами, содержащими много смолы, „смолевыми“, отчего вся гута наполняется клубами густого, чернаго, удушливаго дыма. Къ жару и пр. присоединяется еще невозможность дышать.

Надо сказать еще о губительномъ вліяніи ослѣпительнаго свѣта, испускаемаго печными отверстіями, на зрѣніе рабочихъ. Гутейцы страдаютъ воспаленіемъ сѣтчатой и соединительной оболочки глаза, катарактой. Были дѣлаемы наблюденія, что между выдувальщиками 11,6% страдали катарактой, въ другомъ случаѣ съ катарактами оказались почти 8% подвергшихся осмотру стекольныхъ рабочихъ [5]). Страдаютъ различными глазными болѣзнями и рабочіе Ивановскаго завода.

Калильная и гончарная печи, послѣ плавильной, со стороны вліянія на здоровье рабочихъ, увеличенія тяжести труда и пр.

[5]) Тамъ же, стр. 544—545.

уже не представляютъ ничего особеннаго, какъ и разводная печь. Гораздо большій интересъ въ этомъ смыслѣ представляютъ отдѣленія, гдѣ производится размельченіе извести и кварца, а также изготовленіе дойницъ.

Известковый сарай—зданіе безъ потолка, саж. 4 длиною и около 2 шириною, раздѣленное на двѣ неравныя части бревенчатой стѣнкой. Большее отдѣленіе почти до крыши завалено обожженной известью; въ меньшемъ известь просѣиваютъ. Пріемы этой работы совершенно первобытные. На стѣнки открытаго ларя кладется деревянный валекъ, на который помѣщается проволочное сито. Накопавъ въ сито нужное количество извести, толчейщикъ начинаетъ катать его по вальку надъ ларемъ, куда ссыпается мелкая известь, болѣе же крупные куски остаются на проволочномъ днѣ сита; ихъ потомъ размачиваютъ и вновь просѣиваютъ. Во время работы масса пыли поднимается отъ сита и носится въ воздухѣ, осаждаясь всюду толстымъ слоемъ. Толчейщикъ дышетъ этой пылью. Прежде онъ завязывалъ ротъ тряпицей, но потомъ, по его выраженію, „привыкъ къ работѣ“ и бросилъ всякія предохранительныя мѣры. Въ стѣнѣ сдѣлано отверстіе, черезъ которое можно пропустить ручку отъ сита на улицу и, стоя тамъ, приводить сито въ движеніе. Но рабочій находитъ неудобнымъ этотъ способъ: сито постоянно соскальзываетъ съ валька, и работа идетъ гораздо медленнѣе, а потому онъ и не практикуетъ его. Отсутствіе надзора въ данномъ случаѣ весьма благопріятствуетъ „усмотрѣнію“ толчейщика въ ущербъ его здоровью.

Толчея кварца—въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ на кожевенныхъ заводахъ, только песты здѣсь каменные, такъ какъ употреблявшіеся ранѣе чугунные вліяютъ на цвѣтъ стекла. Въ гончарномъ отдѣленіи обращаетъ на себя вниманіе крайне спертый и сырой воздухъ, „парнóй“, какъ говорятъ гончары. Другія отдѣленія большого интереса не представляютъ, почему мы, не останавливаясь на нихъ, можемъ на этомъ закончить рѣчь о санитарныхъ условіяхъ труда на стекольномъ заводѣ.

О содовомъ заводѣ намъ придется сказать весьма немного. Первое отдѣленіе завода, гдѣ помѣщается рядъ такъ называемыхъ сульфатовыхъ печей, не что иное, какъ довольно ветхій бревенчатый сарай, безъ оконъ и потолка; двери замѣняются воротами, полъ земляной. Здѣсь работа производится у печей, топки и окна которыхъ не всегда открыты, и уже въ силу одного этого не такъ пагубно должна вліять на здоровье рабочихъ, какъ работа у стеклоплавильныхъ печей. Разница тем-

пературы печи и воздуха сарая даетъ, разумѣется, себя чувствовать, особенно зимою, во время сильныхъ морозовъ. Толчея столь же мало удовлетворительна, какъ и на другихъ заводахъ. Относительно другихъ отдѣленій можно указать лишь на отсутствіе ограждений, напр., у содовыхъ печей, въ которыхъ вывариваютъ кристаллическую соду, и которыя имѣютъ видъ обширнаго котла, вмазаннаго въ печь, и нѣкоторыхъ лѣсенокъ, а также отсутствіе вытяжныхъ колпаковъ, безъ которыхъ работа на заводѣ сопряжена съ большими опасностями для здоровья рабочихъ, и на недостаточное освѣщеніе нѣкоторыхъ отдѣленій ночью. Мнѣ разъ случилось быть на заводѣ вечеромъ. Войдя въ щелочное отдѣленіе, я былъ охваченъ клубами холоднаго пара, такого густого, что на полъ-аршина нельзя было разглядѣть рѣшительно ничего; слышалось журчанье воды, дѣйствіе насоса; гдѣ-то подъ ногами, нѣсколько въ сторонѣ свѣтился огонь, исходившій изъ печныхъ топокъ. Безъ посторонней помощи рѣшительно нельзя было ступить шагу, не рискуя провалиться куда-нибудь въ котелъ или топку. Переходъ въ другое отдѣленіе представлялъ большія затрудненія: приходилось идти „на голосъ“ человѣка, шедшаго только на шагъ впереди и, несмотря на это, совершенно невидимаго, такъ что о самомъ присутствіи его можно было догадываться лишь по звуку его шаговъ. Намъ приходилось спускаться по какимъ-то узкимъ лѣсенкамъ безъ перилъ, то проходить между чанами, то вновь подниматься вверхъ. Поминутно слышались предостереженія: „осторожнѣй, внизу печь“, „наклоните голову“, „теперь идите смѣло“, „осторожнѣй, направо вываровочный котелъ—провалиться можно“ и т. д. Во второмъ или третьемъ отдѣленіи паръ не позволялъ опредѣлить, гдѣ мы и сколько прошли; меня остановили въ полутора шагахъ отъ какой-то, какъ мнѣ казалось, ямы въ полу, откуда рабочій черпалъ ковшомъ расплавленную массу и наполнялъ ею желѣзный сосудъ. Эта яма — котелъ; она ничѣмъ не огорожена, и право же, въ нее нетрудно провалиться, когда паръ застилаетъ глаза, по крайней мѣрѣ, для человѣка не вполнѣ знакомаго съ расположеніемъ завода. Только выбравшись на улицу, я могъ свободно вздохнуть. Завѣдующій заводомъ объяснилъ присутствіе пара сильнымъ морозомъ. Можетъ быть, это и такъ, но что же, однако, нужно думать о заводѣ, который превращается въ какой-то паровой котелъ потому, что на дворѣ морозъ трещитъ! Если видъ гуты наводилъ мысль на адъ, то пребываніе на содовомъ заводѣ въ этотъ вечеръ заставляло думать, что и адъ имѣетъ свои отдѣленія.

Тѣмъ пріятнѣе вспомнить свѣчно-восковые заводы. Я имѣлъ случай познакомиться съ тремя такими заводами—однимъ въ Барнаулѣ и двумя въ Змѣиногорскѣ. Всѣ они отличаются большой чистотой и опрятностью. Каждый изъ нихъ, помѣщаясь въ нижнемъ этажѣ жилого дома, состоитъ изъ двухъ комнатъ, не считая кладовыхъ; въ одной приготовляются самыя свѣчи, въ другой ихъ золотятъ и увязываютъ въ пачки. Вездѣ много свѣту, просторно, воздухъ чистый и сухой. Рабочіе здѣсь одѣты также чисто и опрятно и совсѣмъ не напоминаютъ тѣхъ полунагихъ, грязныхъ, изможденныхъ людей, которыхъ приходилось встрѣчать на большинствѣ другихъ заводовъ.

IV.

Большинство частныхъ алтайскихъ заводовъ расположено вдали отъ городовъ и вообще сколько-нибудь крупныхъ пунктовъ. Да и тѣ, которые находятся вблизи городовъ или горнозаводскихъ селеній въ родѣ Змѣиногорска, все же удалены отъ нихъ на нѣсколько верстъ. Для этого имѣются свои причины, которыхъ я здѣсь разсматривать не буду. Для насъ въ данную минуту важно одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствій такого положенія заводовъ, а именно необходимость для нихъ держать рабочихъ у себя, давая имъ помѣщеніе, а иногда и все содержаніе. Понятно, что это, въ свою очередь, необходимо должно оказывать вліяніе на рабочую плату, уменьшая ее въ извѣстныхъ предѣлахъ. Только немногіе заводы, напр., содовый, расположенный почти въ городѣ, могутъ имѣть рабочихъ, живущихъ на своихъ квартирахъ въ городѣ и на близъ-лежащихъ заимкахъ; но мастера и здѣсь все же пользуются квартирами отъ завода.

Мѣстная практика выработала два типа рабочихъ жилищъ на заводахъ: общія казармы для холостыхъ и отдѣльные домики-квартиры для семейныхъ рабочихъ. Ознакомимся съ тѣмъ и другимъ по возможности ближе, начавъ свой обзоръ, какъ и ранѣе, съ крупчатныхъ заводовъ.

Лучшія жилища, несомнѣнно, на заводахъ Б., Ф., Г. и П. Вотъ, напр., казарма на Повалишинскомъ заводѣ Ф.: длинное одноэтажное зданіе въ одну комнату, входъ въ которую чрезъ сѣни. Вдоль одной стѣны расположенъ рядъ большихъ оконъ (6), дающихъ много свѣту; у противоположной — двѣ большія русскія печи, въ промежуткѣ между которыми помѣщаются нары въ два яруса. Стѣны, потолокъ, полъ, печи—все чисто, вымыто или выбѣлено. Воздуху въ комнатѣ совершенно достаточно, не-

смотря на то, что рабочихъ въ ней живетъ человѣкъ 20 и болѣе, воздухъ чистый, сухой, никакого запаха, свойственнаго большинству казармъ. У каждаго рабочаго своя постель. Въ печкахъ готовятъ обѣдъ и ужинъ, для чего нанятъ особый человѣкъ—„поваръ“ (на всѣхъ другихъ заводахъ стряпней занимаются исключительно женщины). Общее впечатлѣніе отъ казармы весьма благопріятное.

Недурна также новая казарма на Троицкомъ заводѣ II. Помѣщаясь во второмъ этажѣ (въ первомъ мастерскія—столярная, токарная и пр.), она состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ-особняковъ, изъ которыхъ каждая пользуется совершенно особымъ ходомъ; въ двухъ изъ этихъ комнатъ живутъ киргизы—въ одной холостые, въ другой семейные. Комнаты достаточно высоки и просторны; окна большія, вдоль одной стѣны нары, въ углахъ противоположной двѣ небольшія печи съ вмазанными въ нихъ котлами для варки пищи и кипяченія воды для чая. Котлы плотно прикрываются желѣзными крышками, не пропускающими запаха; сверхъ того, имѣются вытяжные колпаки. Благодаря всему этому, воздухъ чистъ даже въ киргизскихъ комнатахъ, хотя ароматичность киргизскихъ котловъ пользуется извѣстностью. Всѣ комнаты освѣщены электричествомъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ киргизскими фигурами, сидящими на нарахъ безъ рубахъ, съ поджатыми подъ себя ногами. Каждый рабочій имѣетъ свое опредѣленное мѣсто на нарахъ, гдѣ и находится его постель, сундукъ и пр. Вездѣ довольно чисто, тепло и сухо.

Семейные рабочіе живутъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домикахъ—крестьянскихъ избахъ, въ общемъ довольно чисто содержимыхъ. Каждый изъ этихъ рабочихъ можетъ держать на хозяйскомъ сѣнѣ по одной коровѣ и лошади.

Особенно пріятное впечатлѣніе оставляютъ рабочія помѣщенія на заводахъ Г. и Б. На первомъ изъ этихъ заводовъ квартира семейнаго рабочаго—это обширная изба, раздѣленная деревянными перегородками по 3—4 комнаты. Посреди избы одна или двѣ русскихъ печи, обращенныя топками въ разныя комнаты. На каждую комнату приходится одна — двѣ семьи, смотря по ихъ численности; каждая семья занимаетъ въ комнатѣ свое опредѣленное мѣсто, имѣетъ кровать, нерѣдко прикрытую занавѣской, столъ и пр. По словамъ владѣльца, между квартирантами довольно часто возникаютъ ссоры изъ-за печки: есть квартиры, гдѣ у одной печки толчется 3—4 бабы, каждая со своими горшками (семейные рабочіе продовольствуются сами),—и столкновеніе является неизбѣжнымъ. Въ общемъ эти

квартиры для наличнаго количества семейныхъ рабочихъ нѣсколько тѣсны, что признается и самимъ владѣльцемъ, постепенно строящимъ новые дома, куда переводится часть семейныхъ рабочихъ изъ прежнихъ квартиръ. Несмотря на нѣкоторую скученность, въ общемъ обстановка этихъ квартиръ гораздо лучше, нежели большинство крестьянскихъ избъ: вы здѣсь найдете зеркало, занавѣски, цвѣты и пр., что встрѣчается лишь въ болѣе зажиточныхъ крестьянскихъ домахъ. Незамѣтно также возлѣ домовъ слишкомъ ужъ большой грязи, сора и помоевъ, кольцомъ охватывающихъ рабочіе домики почти на всѣхъ другихъ заводахъ, съ чѣмъ почти безуспѣшна борьба хозяевъ и управляющихъ,—вообще, помѣщеніе содержится довольно чисто для русскихъ рабочихъ.

Казарма состоитъ изъ одной продолговатой комнаты съ довольно высокими окнами, дающими много свѣту. Спятъ рабочіе на нарахъ, расположенныхъ вдоль одной изъ стѣнъ. Помѣщается здѣсь 26 человѣкъ—слишкомъ много для комнаты такихъ размѣровъ. Правда, одновременно они бываютъ лишь въ дни тѣхъ рѣдкихъ праздниковъ, когда заводъ останавливается; въ остальное же время, по крайней мѣрѣ, треть находится на работѣ, тѣмъ не менѣе постели ихъ занимаютъ часть наръ, и это увеличиваетъ тѣсноту. Въ скоромъ времени, впрочемъ, будетъ отстроена другая казарма [1]). Столовая помѣщается въ одномъ зданіи съ казармой и состоитъ изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ два огромные стола и скамьи—тутъ рабочіе обѣдаютъ и ужинаютъ. Обѣдъ подается въ большихъ чашкахъ, изъ которыхъ ѣдятъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, что само по себѣ вызываетъ неопрятность. Неудивительно поэтому, что на столѣ лужи пролитыхъ щей, застывшее сало и пр. Въ другой комнатѣ печь для варки пищи; тамъ же живутъ женщины, занятыя стряпней.

У Б. казарма имѣетъ двѣ комнаты и отгороженный закоулокъ, гдѣ живетъ старшій рабочій; нары въ два яруса. Тутъ живетъ до 70 чел. Свѣту немного, большая тѣснота и духота; грязь и вонь внушительныя. Обѣдаютъ рабочіе тутъ же; здѣсь же и плита для варки пищи. Совсѣмъ иное впечатлѣніе оставляютъ квартиры семейныхъ рабочихъ. Каждый домъ раздѣленъ на комнаты, имѣющія свою печь; чаще всего семья располагаетъ всею комнатой и имѣетъ отдѣльную печку; но есть и такія квартиры, гдѣ у одной печи двѣ семьи. Въ общемъ, квар-

---

[1]) Теперь она, вѣроятно, готова и часть рабочихъ переведена туда.

тиры просторны, чисты и свѣтлы; не щеголяя внѣшностью, онѣ представляютъ больше удобствъ для рабочихъ, чѣмъ квартиры завода Г.

Было бы утомительно переходить отъ одного рабочаго помѣщенія къ другому на всѣхъ заводахъ, о которыхъ имѣются данныя, да и совершенно излишне для цѣлей настоящей работы—дать возможно точную, но общую картину положенія труда на частныхъ заводахъ округа. Достаточно отмѣтить лишь наиболѣе рѣзкія черты для остальныхъ заводовъ, такъ какъ описанныя помѣщенія могутъ служить типомъ для всѣхъ крупныхъ заводовъ. Рабочія же помѣщенія на мелкихъ заводахъ носятъ совершенно иной характеръ, почему о нихъ придется говорить особо.

У Ш. и Ю. казарма довольно просторна и отдѣлена отъ кухни-столовой. Спятъ на нарахъ, многіе рабочіе не имѣютъ даже подстилки (она должна быть своя); въ столовой духота и грязь. Внѣ казармъ помѣщаются всего двѣ семьи.

На заводѣ Ж., кромѣ отдѣльныхъ помѣщеній для семейныхъ рабочихъ, есть еще особое помѣщеніе для киргизовъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ семейные и холостые. Казармы грязны, тѣсны, недостаточно освѣщены; въ одной нары въ два яруса; скопленіе народа чрезмѣрное. Многими постелями пользуются по два человѣка: одинъ—находящійся на работѣ и другой—уже смѣнившійся и отдыхающій,—такъ какъ на всѣхъ не хватаетъ мѣста. Въ самыхъ казармахъ печи для варки пищи; тутъ же рабочіе и ѣдятъ; въ одной поставлено нѣсколько столовъ. Вездѣ желѣзныя печи, холодно; въ одной казармѣ, входъ въ которую прямо съ улицы, случается, что подушки примерзаютъ къ стѣнѣ. Какъ въ казармахъ, такъ и въ другихъ рабочихъ помѣщеніяхъ вездѣ валяется лошадиная сбруя, отравляющая и безъ того скверный воздухъ и увеличивающая грязь и тѣсноту. Столяры и плотники спятъ въ столярной мастерской—грязной, холодной комнатѣ, кто на лавкахъ вдоль стѣнъ, кто на верстакахъ, а многіе прямо на полу, на кучахъ древесныхъ стружекъ. Вообще, всѣ эти помѣщенія, съ санитарной точки зрѣнія, рѣшительно никуда негодны. У киргизовъ отдѣльная изба; грязь и вонь достигаютъ здѣсь своего предѣла; на лѣто киргизовъ переводятъ въ лѣсъ, въ юрту. Отдѣльныя комнаты лучше казармъ; нѣкоторыя изъ нихъ содержатся довольно чисто, но и здѣсь всюду навалены хомуты, узды и пр.

На винокуренномъ и стеклодѣлательномъ заводахъ П. рабочіе или пользуются хозяйскими квартирами (казармъ нѣтъ),

или же живутъ въ собственныхъ домахъ, выстроенныхъ на принадлежащей заводу землѣ; часть рабочихъ, наконецъ, помѣщается на частныхъ квартирахъ сосѣдней деревни Соколовой.

Хозяйскія квартиры того же типа, что и на другихъ заводахъ, съ тою разницей, что здѣсь каждая семья имѣетъ самостоятельную квартиру, не сообщающуюся съ другой непосредственно; соединеніе въ одной квартирѣ двухъ семей крайне рѣдко. Внутри большинства квартиръ довольно чисто и опрятно; во многихъ вы встрѣтите слѣды заботливости объ украшеніи ихъ. Въ общемъ, квартиры просторны; извѣстная тѣснота нѣкоторыхъ объясняется многочисленностью семей живущихъ въ нихъ рабочихъ. Было бы очень интересно провести параллель между двумя названными выше заводами, какъ со стороны жилищъ рабочихъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; но это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета настоящей работы. Скажемъ только, что разница между рабочими того и другого, бросающаяся въ глаза при первомъ знакомствѣ, проникаетъ во всѣ стороны ихъ жизни. Говоря общими выраженіями, можно сказать, что въ то время, какъ на большинствѣ алтайскихъ заводовъ рабочіе сохранили многія черты жизни крестьянской, деревенской, рабочій стекольнаго завода представляетъ уже типъ настоящаго фабрично-заводскаго рабочаго, что сквозитъ во всемъ, начиная съ убранства жилищъ и кончая манерой держать себя. Собственныхъ квартиръ рабочихъ и ихъ наемныхъ жилищъ мы разсматривать здѣсь не будемъ.

Переходя къ обзору остальныхъ заводовъ, прежде всего надо сказать, что, за исключеніемъ кожевеннаго завода С., гдѣ нѣкоторые, немногіе рабочіе пользуются квартирами (простая изба), на всѣхъ прочихъ заводахъ никакихъ спеціально для рабочихъ назначенныхъ жилищъ нѣтъ, ни казармъ, ни тѣмъ болѣе семейныхъ квартиръ. Рабочіе или уходятъ на ночь домой—весьма рѣдкіе, единичные случаи на подгородныхъ заводахъ, или же ночуютъ въ тѣхъ же самыхъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ днемъ. У того же С., заводъ котораго стоитъ на первомъ мѣстѣ среди кожевенныхъ заводовъ, рабочіе живутъ на самомъ заводѣ, въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ они работаютъ. Въ первомъ же зольномъ отдѣленіи можно видѣть рабочихъ, лежащихъ на полу, на кучахъ наваленныхъ кожъ; другіе валяются на какомъ-то помостѣ въ родѣ наръ; въ мастерскихъ же спятъ строгальщики, отдѣльщики и пр. То же мы видимъ и на другихъ заводахъ, хотя тамъ обстановка, безъ всякаго сравненія, хуже, чѣмъ у С. Въ мастерскихъ же обѣдаютъ и спятъ рабочіе и на

овчинныхъ заводахъ. Выше я уже говорилъ, что представляютъ изъ себя мастерскія этихъ заводовъ. На салотопенно-свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводахъ, занимающихъ каждый лишь по нѣскольку человѣкъ, рабочіе живутъ съ хозяиномъ, такъ какъ эти заводы устраиваются всегда гдѣ-нибудь на заимкѣ, гдѣ живетъ хозяинъ или его довѣренный.

Свѣчно-восковые заводы и въ этомъ случаѣ выгодно выдѣляются: хотя рабочіе помѣщаются и въ тѣхъ же мастерскихъ, но чистота этихъ послѣднихъ, достаточное количество хорошаго воздуха, сухость—все это позволяетъ хоть нѣсколько мириться съ обычаемъ дѣлать изъ мастерской въ то же время и жилое помѣщеніе. Впрочемъ, на одномъ заводѣ рабочіе пользуются очень порядочной квартирой.

V.

Недостатокъ свѣта, тѣснота, испорченный воздухъ, отсутствіе огражденій машинъ, котловъ и пр. въ заводскихъ мастерскихъ; тѣснота, испорченный воздухъ и пр. въ жилищахъ; соединеніе въ одно мастерскихъ и жилищъ; излишняя продолжительность рабочаго дня, и т. д., и т. д.—все то, что мы видѣли выше, не можетъ не отражаться на здоровьѣ рабочихъ. Оно, конечно, и оказываетъ вліяніе, но опредѣлить размѣры и границы этого вліянія для алтайскихъ заводовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности за отсутствіемъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ заводовъ лишь на двухъ имѣется постоянная организованная медицинская помощь, т.-е. имѣется медикъ и аптека съ достаточнымъ количествомъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ; на двухъ другихъ—медикъ, пріѣзжающій разъ въ мѣсяцъ, помимо экстренныхъ случаевъ, за 30 верстъ изъ города; наконецъ, на одномъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется домашняя медицина. Это немного, конечно, особенно если принять во вниманіе удаленность большинства заводовъ отъ городовъ и вообще врачебныхъ пунктовъ

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ должна совершенно отсутствовать какая бы то ни было статистика заболѣваемости, смертности и несчастныхъ случаевъ на нашихъ заводахъ, а безъ статистики, безъ цифръ какіе же могутъ быть сколько-нибудь точные выводы и заключенія? „У насъ больныхъ не бываетъ“—эту фразу можно слышать на девяти заводахъ

изъ десяти, и хотя смыслъ ея совершенно не вяжется съ окружающей обстановкой, тѣмъ не менѣе она вполнѣ вѣрна: больныхъ нѣтъ, но не потому, чтобы не было случаевъ заболѣваемости, а потому, что каждый сколько-нибудь серьезно заболѣвшій уходитъ съ завода домой. Тѣмъ болѣе на заводахъ не можетъ быть высокой смертности. Почти то же приходится сказать о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими: „у насъ несчастій не бываетъ"—это опять-таки наиболѣе распространенная фраза. И при отсутствіи фабричнаго надзора, при отсутствіи какихъ-либо записей случаевъ травматизма и другихъ несчастій приходится съ нею соглашаться, хотя она и находится въ логическомъ противорѣчіи съ окружающимъ.

Вотъ почему я долженъ отказаться отъ всякой попытки дать здѣсь хотя бы самую бѣглую характеристику вліянія обстановки труда и жилища рабочаго на его здоровье, какъ долженъ былъ отказаться и отъ желанія ознакомить читателя съ продовольствіемъ рабочихъ на здѣшнихъ заводахъ. Я не пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя мнѣ удалось собрать по этимъ вопросамъ, потому что они относятся не ко всей частной промышленности или значительной ея части, а лишь къ немногимъ отдѣльнымъ заводамъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ фактъ, что на одномъ изъ заводовъ неудовлетворительность продовольствія вызвала разъ серьезныя недоразумѣнія; но я считаю неудобнымъ пользоваться относящимися сюда данными, такъ какъ, во-1-хъ, это дало бы невѣрное представленіе о заводѣ, благодаря отсутствію общаго фона, а во-2-хъ, обобщеніе единичнаго факта могло бы дать поводъ къ невѣрнымъ заключеніямъ о прочихъ заводахъ. По той же причинѣ я не привожу здѣсь имѣющихся у меня чрезвычайно интересныхъ данныхъ о состояніи здоровья рабочихъ на одномъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ: отсутствіе соотвѣтствующихъ матеріаловъ о другихъ заводахъ придало бы этимъ даннымъ слишкомъ исключительное значеніе, не отвѣчающее дѣйствительности.

Такимъ образомъ, предстоящая задача сводится къ обзору наличной постановки медицинской помощи на тѣхъ немногихъ заводахъ, гдѣ она имѣетъ хоть какую-нибудь организацію. Въ первыхъ рядахъ въ этомъ отношеніи стоятъ крупчатные заводы Г. и Б. Оба эти завода—на сѣверѣ Барнаульскаго округа, въ довольно глухой мѣстности, особенно послѣдній, гдѣ всякая посторонняя медицинская помощь отсутствуетъ.

У Г. медицина организована такимъ образомъ. При заводѣ устроена аптека, гдѣ можно найти всѣ необходимѣйшіе меди-

каменты, которыми завѣдуетъ образованный и свѣдущій медикъ. На медикаменты расходуется 200 руб. и 1000 руб. на жалованье медику. Больницы, къ сожалѣнію, нѣтъ, и всѣ больные пользуются помощью на дому. Для пріема и осмотра больныхъ имѣется особая комната въ домѣ владѣльца. Какъ рабочіе, такъ и другіе служащіе и пріѣзжающіе на заводъ крестьяне пользуются безплатно совѣтомъ медика и лѣкарствами.

По тому же типу поставлено дѣло и на сосѣднемъ заводѣ Б., но аптека здѣсь богаче обставлена, хотя находится въ завѣдываніи фельдшера, получающаго 500 руб. въ годъ; сверхъ того, есть еще акушерка, чего нѣтъ ни на одномъ изъ остальныхъ заводовъ; она получаетъ 180 руб. Стоимость медикаментовъ обходится рублей 300 въ годъ. Лѣченіе безплатное. Больницы нѣтъ и здѣсь: Къ этому нужно прибавить, что завѣдующіе медицинской помощью на томъ и на другомъ заводѣ пользуются почетной репутаціей, какъ свѣдущіе врачи.

Совсѣмъ иную картину представляетъ постановка медицинской помощи на винокуренномъ и стекольномъ заводахъ П. подъ Бійскомъ. Здѣсь нѣтъ ни больницы, ни пріемнаго покоя, ни постоянно живущаго врача или фельдшера. Разъ въ мѣсяцъ долженъ посѣщать заводы приглашенный для этой цѣли алтайскій объѣздной врачъ, хотя имѣющій квартиру въ г. Бійскѣ, но находящійся постоянно въ разъѣздахъ по дѣламъ службы и потому въ городѣ бывающій очень рѣдко. Тотъ же врачъ, а за его отсутствіемъ городовой врачъ, приглашается на заводъ въ случаѣ экстренной надобности для немедленной подачи помощи заболѣвшимъ или пострадавшимъ во время работы на заводѣ. Расходы на медицину не превышаютъ 400 рублей въ годъ, при чемъ врачъ получаетъ 180 руб. Аптека находится въ распоряженіи управляющаго винокуреннымъ заводомъ — простого человѣка, не получившаго образованія.

Если подобная организація дѣла даже на фабрикахъ московскаго района, гдѣ существуетъ фабричный надзоръ, сводится на одну формальность, какъ констатируютъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ, то чего же можно ожидать въ такомъ глухомъ городишкѣ, какъ Бійскъ? Даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи врача къ своимъ обязанностямъ — что онъ можетъ сдѣлать, пріѣхавъ на нѣсколько часовъ разъ въ мѣсяцъ? Весьма мало. Между тѣмъ, его прямыя служебныя обязанности весьма часто не позволяютъ ему бывать на заводѣ и разъ въ мѣсяцъ.

Гораздо болѣе дѣйствительная помощь оказывается на Троиц-

комъ крупчатномъ заводѣ того же владѣльца, хотя здѣсь она не имѣетъ никакой организаціи. Супруга владѣльца раздаетъ всѣмъ нуждающимся лѣкарства; въ случаѣ надобности она вызоветъ изъ города врача или инымъ путемъ окажетъ помощь заболѣвшему. Эта помощь настолько дѣйствительная, что я, не задумываясь, скажу, что бѣдный человѣкъ, заболѣвъ на заводѣ или вблизи его, болѣе гарантированъ, нежели въ городѣ, будь то Барнаулъ или Томскъ.

Надо сказать еще о содовомъ заводѣ. Ни врача, ни фельдшера здѣсь нѣтъ; нѣтъ даже комнаты, гдѣ можно было бы помѣстить больного хоть временно. Въ случаѣ экстренной надобности врачъ приглашается изъ города. Владѣлица завода имѣетъ небольшую аптечку, изъ которой безплатно отпускаетъ лѣкарства больнымъ. Требующихъ продолжительнаго лѣченія заводъ отвозитъ въ больницу Краснаго Креста въ Барнаулѣ, причемъ не имѣющихъ права на безплатное лѣченіе заводъ помѣщаетъ на свой счетъ. Какъ часты такіе случаи, и вообще бываютъ ли они, или же заводъ допускаетъ ихъ въ смыслѣ извѣстнаго принципа, не имѣющаго, однако, практическаго примѣненія,—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что владѣлица сама не можетъ опредѣлить тратъ на медицинскую помощь.

Кромѣ организаціи медицинской помощи, заботы о заводскомъ населеніи выражаются также въ устройствѣ школъ и другихъ образовательно-воспитательныхъ заведеній для рабочихъ и ихъ дѣтей. Но съ этой стороны алтайскіе частные заводы представляютъ еще болѣе грустное зрѣлище, чѣмъ относительно постановки медицинскаго дѣла: на всѣ заводы здѣсь всего лишь двѣ начальныя школы и одна школа грамотности.

Правда, обѣ начальныя школы должны быть отнесены къ числу лучшихъ въ округѣ, считая въ томъ числѣ и волостныя, и горнозаводскія. Особенна хороша школа на заводѣ Г., оставляющая желать весьма немногаго. Ученическихъ библіотекъ тоже двѣ, да и изъ нихъ одна далеко неважная.

На заводѣ Г. школа существуетъ съ 1888 г. Помѣщается она въ отдѣльномъ, спеціально для нея построенномъ зданіи съ изящной внѣшностью, какъ и большинство рабочихъ помѣщеній этого завода. Школа состоитъ изъ двухъ большихъ, высокихъ и свѣтлыхъ комнатъ, обширной прихожей и кухни; во второмъ этажѣ квартира учительницы. Вездѣ просторно, чисто, опрятно; въ классной комнатѣ правильно расположенный свѣтъ, хорошая вентиляція. Въ школѣ всѣ необходимыя учебныя пособія, до небольшой минералогической коллекціи включительно;

вполнѣ удовлетворительно составленная ученическая библіотека, прекрасная мебель и пр. Преподаваніе со времени открытія училища находится въ рукахъ опытной учительницы, окончившей курсъ въ Томской гимназіи. Жалованье — 240 р. на готовомъ содержаніи. Расходы по школѣ не одинаковы: въ 1890 г., напр., они достигали 1125 р., а въ слѣдующемъ 800 р. (сюда не входитъ содержаніе учительницы). Учащихся 30 чел., въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ. Посѣщаютъ школу всѣ дѣти рабочихъ, достигнувшіе извѣстнаго возраста.

Значительно уступаетъ этой школа на винокуренномъ и стекольномъ заводахъ П. Послѣдняя состоитъ изъ одной классной комнаты и довольно тѣсной прихожей, общей съ квартирой учителя—во время перемѣны дѣти должны оставаться въ той же классной, что и за урокомъ, такъ что и въ это время нельзя производить освѣженія воздуха. Вентиляціи недостаточно, почему въ классѣ душно, пока не выставлена двойная рама. Духоту увеличиваетъ желѣзная печь въ прихожей, гдѣ въ обычное время холодно, когда же топится печь, становится слишкомъ жарко и сухо. Вообще, помѣщеніе не отвѣчаетъ наличному числу учащихся (въ 1892 г. было 54 чел.) и требуетъ расширенія. Библіотека довольно жалкая—всего 72 книжки, въ большинствѣ грошевыхъ—изданія Посредника и Глазунова. Изъ журналовъ выписывается только „Родникъ“, пригодный лишь для дѣтей старшаго отдѣленія, да и то не всѣхъ. Всѣ учебныя пособія выписываются на счетъ конторы. Завѣдуетъ школой учитель съ спеціальной подготовкой, приглашенный въ эту школу изъ земства одной поволжской губерніи, гдѣ онъ занимался преподаваніемъ нѣсколько лѣтъ. Жалованье учителю — 300 р. Преподаваніе поставлено очень хорошо. Въ только-что закончившійся учебный годъ (1892—93) была приглашена еще учительница, также съ спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ. Въ школѣ введено обученіе башмачному ремеслу, а также огородничеству и садоводству, насколько послѣднее возможно въ Сибири. Несмотря на нѣкоторые существенные недостатки—тѣсноту и пр., школа оставляетъ весьма хорошее впечатлѣніе.

Я уже сказалъ, что въ школѣ обучалось 54 человѣка, изъ этого числа 17—дѣти рабочихъ винокуреннаго завода, 4 крестьянъ сосѣдней деревни, остальные—дѣти со стекольнаго завода; дѣвочекъ считается 11. Несмотря на то, что на стекольномъ заводѣ дѣтскій трудъ играетъ очень видную роль (на 12 взрослыхъ рабочихъ приходится 20 подростковъ и дѣтей), а можетъ быть, и вслѣдствіе того, среди учащихся нѣтъ ни одного ребенка, который

въ то же время работалъ бы на заводѣ, хотя между работающими очень много дѣтей 8—9 лѣтъ, да и всѣ они безъ исключенія находятся еще въ школьномъ возрастѣ. Зато наблюдается другое, не менѣе грустное явленіе: для работъ на заводѣ родители нерѣдко берутъ дѣтей изъ школъ, не давъ имъ сколько-нибудь сносно освоиться съ грамотой. Такъ, напр., изъ 6 мальчиковъ, вышедшихъ изъ школы зимою 1892 г., 4 были взяты для заводскихъ работъ. Вообще, такой порядокъ „практикуется весьма часто“, какъ объяснилъ мнѣ управляющій стекольнымъ заводомъ.

Третья школа—на содовомъ заводѣ. Эта небольшая школка, гдѣ обучается не болѣе 8 — 12 дѣтей, существуетъ довольно давно; первоначально преподаваніемъ въ ней занималась владѣлица завода, а съ 1890-го г. особая учительница за 10 р. въ мѣсяцъ. Учительница эта—дочь одного изъ окрестныхъ заимочниковъ, получившая образованіе въ Барнаульской прогимназіи. Для занятій имѣется особая комната; учебныя пособія пріобрѣтаются отчасти на счетъ владѣлицы завода, отчасти самими учениками. Всѣ расходы на содержаніе этой школы не превышаютъ 150 р. въ годъ. Пользуются школой дѣти рабочихъ и служащихъ въ заводской конторѣ.

Нужно ли прибавлять къ сказанному, что для взрослыхъ рабочихъ нѣтъ на заводахъ ни воскресныхъ школъ, ни вечернихъ классовъ, ни библіотекъ, какъ нѣтъ и многихъ другихъ учрежденій, съ которыми мы встрѣчаемся на фабрикахъ и заводахъ Европ. Россіи и царства Польскаго,—богадѣленъ, рабочихъ кассъ, потребительныхъ обществъ и пр. Для всего этого нуженъ извѣстный уровень развитія, т.-е. то именно, чего недостаетъ большинству алтайскихъ заводчиковъ.

VI.

Чтобы закончить настоящій очеркъ, мнѣ остается разсмотрѣть заработную плату въ связи съ нѣкоторыми другими вопросами заводской жизни. Для удобства я и въ настоящемъ случаѣ буду придерживаться того же порядка изложенія, которымъ руководился ранѣе, т.-е. буду группировать данныя не по размѣрамъ платы, а по производствамъ. Страдая, можетъ быть, относительно систематичности и стройности, такой способъ выигрываетъ въ наглядности и простотѣ. Начнемъ съ крупчатнаго производства.

На крупчатныхъ заводахъ, какъ и на многихъ другихъ, ра-

бочіе раздѣляются на занятыхъ непосредственно на самомъ заводѣ и на работающихъ въ различныхъ вспомогательныхъ мастерскихъ или вообще исполняющихъ работы, которыя имѣютъ второстепенное значеніе для производства. Рабочая плата тѣхъ и другихъ неодинакова, а потому и говорить о каждой изъ этихъ группъ приходится особо.

Число первыхъ изъ названныхъ, т.-е. въ тѣсномъ смыслѣ заводскихъ рабочихъ, колеблется, не считая мастеровъ-крупчатниковъ, отъ 12 (Повалишинскій заводъ Ф.) до 30 (Алеинскій зав. Б.); вторыхъ, отъ 60 до 200, смотря по заводу, времени года и пр.

Мастеръ-крупчатникъ—главное лицо на заводѣ, и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ алтайскихъ мастеровъ не получилъ не только спеціальнаго, но и никакого образованія. На 6 заводахъ крупчатники—простые крестьяне, нѣкоторые даже неграмотные, съ дѣтства работавшіе на уральскихъ крупчатняхъ или въ Москвѣ у Эрлангера и чисто практическимъ путемъ ознакомившіеся съ техникой производства. На заводѣ Ж. мастеромъ—полякъ, также знакомый съ дѣломъ лишь практически, не имѣющій никакого представленія о теоріи мукомольнаго производства, но сравнительно съ другими все же образованный человѣкъ. Принявъ во вниманіе уровень образованія и подготовки этихъ мастеровъ, нельзя не признать, что получаемая ими плата далеко не низка, и во всякомъ случаѣ она не имѣетъ ничего общаго съ платой остальнымъ рабочимъ какъ на тѣхъ же, такъ и на другихъ алтайскихъ заводахъ. На заводѣ „Бердъ“ крупчатникъ получаетъ 1800 р. въ годъ, на Елизаветинскомъ—1500, на Алеинскомъ—1200, на Чернопятовскомъ—900 и т. д. Вездѣ имъ дается квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, куль крупчатки въ мѣсяцъ, а на заводѣ Ш. и Ю. столъ (600 р. жалованья).

Положеніе подмастера уже гораздо хуже. Онъ также имѣетъ готовую квартиру, но жалованье не поднимается выше 570 р. (на зав. „Бердъ“); на одномъ заводѣ жалованье — 360 р., на двухъ по 300 и т. д. На Чернопятовскомъ заводѣ, кромѣ квартиры и 250 р. жалованья, подмастеръ получаетъ еще и столъ. На большинствѣ заводовъ по одному подмастеру, но есть и такіе, гдѣ ихъ по два—заводы Г. и Ж.

За подмастеромъ слѣдуетъ цѣлый штатъ рабочихъ, отъ которыхъ требуется извѣстное знакомство съ производствомъ и техническій навыкъ: сортировщики, дневальные, вѣйщики, выбойщики и т. д., а затѣмъ чернорабочіе, отъ которыхъ не требуется никакого знанія техники—нужна одна физическая сила.

Жалованье первымъ изъ этихъ рабочихъ отъ 48 до 360 р. въ годъ; малолѣтнимъ—„подметаламъ“—36 р. Всѣ холостые на хозяйскомъ содержаніи; тѣ, которые на своемъ содержаніи, получаютъ рубля на 2 въ мѣсяцъ больше: такъ, изъ 3 разборщиковъ на заводѣ П. одинъ на хозяйскомъ содержаніи получаетъ 10 р. въ мѣсяцъ, двое другихъ на своемъ содержаніи—по 12 р. То же и въ другихъ случаяхъ. Чернорабочіе всѣ на хозяйскомъ содержаніи съ жалованьемъ отъ 6 до 10 р. въ мѣсяцъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ этой стороной дѣла, возьмемъ заводъ Г. „Бердъ“, какъ расходующій на содержаніе рабочихъ наибольшую сумму; относительно же другихъ отмѣтимъ лишь самыя значительныя особенности. Выше уже была указана заработная плата мастера и его помощника на этомъ заводѣ. За ними слѣдуютъ 2 сортировщика, изъ которыхъ одинъ получаетъ 24, а другой 21 р. въ мѣсяцъ; затѣмъ 2 дневальныхъ съ жалованьемъ въ 18 и 19 р., 2 вѣйщика, получающихъ 12 и 16 р. Изъ этихъ рабочихъ на хозяйскомъ содержаніи одинъ вѣйщикъ (съ жалованьемъ въ 12 р.), всѣ остальные на своемъ. Всѣ слѣдующіе ниже рабочіе получаютъ хозяйское содержаніе: 3 выбойщика, по 11 р. каждый; 2 масленщика—7 и 10 р.; 2 обойщика—по 9 р.; 2 подметалы (малолѣтніе) — по 4 р.; чернорабочіе—отъ 8 до 10 р. каждому въ мѣсяцъ. У Ф. на Повалишинскомъ заводѣ только одинъ рабочій получаетъ 12 р., всѣ остальные на хозяйскомъ содержаніи зимою отъ 6 до 8 р. въ мѣсяцъ; лѣтомъ, во время страды, плата поднимается на 2—5 р., смотря по существующимъ цѣнамъ на земледѣльческій трудъ; мальчикъ-подметало получаетъ 3 р. На Чернопятовскомъ заводѣ, кромѣ мастеровъ и его помощниковъ, рабочіе получаютъ отъ 7 до 9 р., въ три лѣтніе мѣсяца плата поднимается до 13 р.; подростки получаютъ по 4 р. У П. мѣсячное жалованье киргизамъ на 1 р. больше, чѣмъ русскимъ рабочимъ [1]), т.-е. по 10 р. въ мѣсяцъ; мальчики получаютъ — одинъ 4 р., другой—3 р. въ мѣсяцъ.

Также колеблется плата рабочимъ при заводскихъ мастерскихъ. Напр., въ столярной на зав. Бердъ постоянно работаютъ два мастера съ жалованьемъ въ 30 и 36 р. въ мѣсяцъ; содержаніе свое; два подростка получаютъ 5 и 10 р. при хозяйскомъ содержаніи. Мастеръ-слесарь получаетъ 30 р., при немъ подростокъ — 9 р.; кузнецъ-мастеръ — 25 р., молотобоецъ—12 р. Плотниковъ ежедневно работаетъ 12—25 чел., съ платой каж-

[1]) Объясняется работою киргизовъ въ православные праздники.

дому при хозяйскомъ содержаніи по 12, 14 и 16 р. въ мѣсяцъ, смотря по искусству. Различныхъ рабочихъ, занятыхъ надворными работами постоянно, 10 чел. съ жалованьемъ по 8 р.

У Ж. слесарь-мастеръ получаетъ 30 р.; у Ш. и Ю.—15 и 12 р.; столяры-мастера получаютъ на первомъ изъ этихъ заводовъ 35 р., на второмъ—15 р.; кузнецы у Ж.—20—15 р., у П.—20—13 р.; кочегары у Ш. и Ю.—6 р.; кулевозы тамъ же—6 р., у П.—10 р. и т. д., и т. д. Болѣе или менѣе значительныя колебанія заработной платы мы встрѣчаемъ на всѣхъ крупчатныхъ заводахъ.

На кожевенномъ заводѣ С. мастеръ получаетъ 300 р., пользуясь при этомъ квартирой и отопленіемъ; у Г.—500 р. на хозяйскомъ содержаніи, но безъ квартиры. Столь значительная разница въ платѣ объясняется тѣмъ, что на мастерѣ завода Г. лежитъ завѣдываніе не только технической, но и хозяйственной стороной производства, чего нѣтъ на первомъ заводѣ. Остальные рабочіе, занятые первоначальной обработкой кожи, у С. получаютъ отъ 5 до 8 р. на хозяйскомъ содержаніи (столъ); тѣмъ, кто соглашается работать безъ перерыва въ страду, дѣлается на лѣтніе мѣсяцы прибавка въ 2 р., рѣдко въ 3 р. на человѣка, „но никакъ не болѣе“, по объясненію хозяина. На заводѣ Г. эти рабочіе не получаютъ отъ хозяина ничего, кромѣ жалованья, достигающаго 15 р. въ мѣсяцъ для работающихъ круглый годъ; такихъ, которые на страдное время оставляютъ заводскую работу, Г. почти не держитъ, и въ этомъ отношеніи его заводъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ. У Б. мѣсячные рабочіе получаютъ 6—8 р. на хозяйскомъ содержаніи, поденные—25—30 к. на своемъ содержаніи. Приблизительно такая же плата и на прочихъ кожевенныхъ заводахъ.

„Отдѣльщики“, т.-е. рабочіе, занятые отдѣлкой уже готоваго кожевеннаго товара, своего рода мастера, вездѣ получаютъ поштучно, „отъ кожи“: за бычью кожу, которую нужно лишь отмять да немного полощить, 5 коп.; за „чирковую“, употребляемую на бродни и чирки, 15 к., такъ какъ ее нужно болѣе тщательно отмять, вылощить и сдѣлать насѣчки; за „выростокъ“, идущій на сапоги, 25 к. и т. д. Заработокъ отдѣльщиковъ колеблется между 50 и 75 к. въ день. Это въ Барнаулѣ; почти то же и въ Змѣевѣ, хотя здѣсь заработокъ изрѣдка поднимается до 1 р. Остальные рабочіе получаютъ 5—6 р. на хозяйскомъ содержаніи, поденные—коп. 25—30. На одномъ заводѣ работаютъ двѣ женщины, заработокъ которыхъ лѣтомъ достигаетъ 30 к. въ день каждой, зимой же бываетъ

нѣсколько ниже. Въ Павловскѣ мѣсячный рабочій получаетъ 4 р. 50 к. на хозяйскомъ содержаніи, и т. д. На толчеяхъ для размельченія корья работа на нѣкоторыхъ заводахъ сдается на отрядъ по 7 и 9 к. съ пуда размельченнаго корья. Средній дневной заработокъ можно опредѣлить такъ: на толчеѣ одновременно работаютъ 2 взрослыхъ и 1 подростокъ при 4 лошадяхъ; въ день переработаютъ около 50 пудовъ корья, что въ переводѣ на деньги дастъ 3 р. 50 к. 4 р. 50 к. въ день на всю артель. Иногда плата поднимается до 10 к. съ пуда или до 5 р. въ день на артель, иногда опускается до 2 р. 50 к. (заводы Т. и С.). На другихъ заводахъ работаютъ помѣсячно: у В. за 5 р., у К. за 2 р. 50 к. (мальчикъ 15 лѣтъ). Перемывка и чистка шерсти производится въ первой половинѣ лѣта и продолжается мѣсяца два. Исполняется эта работа женщинами и дѣвушками-подростками, нанимаемыми поденно съ платою по 15—25 к. на своихъ харчахъ. Занимающіяся собственно растрепкой шерсти получаютъ по 15 к.

Изъ овчинныхъ заводовъ наемнаго мастера мы встрѣчаемъ лишь на одномъ — на заводѣ С. въ Барнаулѣ, гдѣ онъ получаетъ 300 р. въ годъ на хозяйскомъ содержаніи; на всѣхъ прочихъ мастерами являются или сами хозеява, или ихъ сыновья. Остальные рабочіе получаютъ отъ 5 до 7, рѣдко 10 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, стоимость которыхъ владѣльцы опредѣляютъ въ 3 р. 50 к. — 4 р. на человѣка въ мѣсяцъ. Помѣсячную плату получаетъ, такъ сказать, низшій разрядъ рабочихъ-овчинниковъ,—это тѣ, которые моютъ овчины, мнутъ ихъ, закладываютъ въ квасильные чаны, первоначально красятъ и пр. Рабочіе же, занятые вторичной окраской и окончательной отдѣлкой шкурокъ — строганьемъ ихъ, чисткой и пр., что требуетъ уже нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній и навыка, получаютъ поштучно, отъ сотни. Плата за трудъ послѣдняго рода, повидимому, прочно установилась на мѣстныхъ заводахъ: по 4 р. за сотню нечерненныхъ овчинъ и по 5 р.—черненныхъ. Заработокъ хорошаго работника будетъ коп. 50—60 на хозяйскихъ харчахъ.

На салотопенныхъ и свѣчно-мыловаренныхъ заводахъ рабочая плата еще ничтожнѣе: на двухъ заводахъ мѣсячная плата рабочему 3 р., на одномъ 4 р.; еще на одномъ годовые рабочіе получаютъ 50 — 60 р. Вездѣ содержаніе хозяйское, стоимость котораго оцѣнивается въ 3 р. на человѣка.

Свѣчно-восковые заводы и въ этомъ отношеніи стоятъ впереди другихъ заводовъ, и тѣмъ болѣе только-что разсмотрѣн-

ныхъ. Условія, въ которыхъ стоитъ мастеръ и другіе рабочіе по отношенію заводовъ, не вездѣ одинаковы. Напр. у С. въ Барнаулѣ мастеръ получаетъ съ пуда выработанныхъ свѣчъ по 1 р. 50 к. и съ пуда отбѣленнаго воску—50 к. Принимая во вниманіе, что заводъ въ годъ выработываетъ 500—600 пуд. свѣчъ и около 1000 п. воску, плату мастеру опредѣлимъ въ 1250—1400 р. Но эта сумма не вся идетъ въ его пользу: изъ нея онъ долженъ платить двумъ своимъ помощникамъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ 300 р., а другой 400 р. въ годъ; такимъ образомъ, дѣйствительный годовой заработокъ мастера будетъ между 550 и 700 р. Какъ онъ, такъ и оба подмастера пользуются отъ хозяина очень порядочными квартирами съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. На змѣиногорскомъ заводѣ S. разсчетъ совсѣмъ иной: здѣсь всѣ рабочіе получаютъ жалованіе непосредственно отъ завода, а не отъ мастера; годовой заработокъ послѣдняго всего 300 р. въ годъ; двое его помощниковъ получаютъ по 200 р.; наконецъ, четвертый рабочій—въ роли ученика—60 р. въ годъ. Всѣ они на хозяйскомъ содержаніи.

На винокуренномъ заводѣ обязанности мастера лежатъ на винокурѣ, завѣдующемъ всей технической стороной дѣла; жалованья онъ получаетъ 1000 р. при готовой квартирѣ. Помощникъ винокура, при готовой же квартирѣ, получаетъ 500 р. Какъ того, такъ и другого трудно причислить собственно къ рабочимъ; это далеко не то, что мастеръ на крупчатномъ заводѣ, и ихъ скорѣе нужно причислить къ администраціи завода. Рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ заработываютъ, какъ видно изъ условія, заключеннаго заводской конторой съ артелью крестьянъ, отъ 9 до 17 р. въ мѣсяцъ. Это — рабочіе, занятые непосредственно выкуркой спирта. Нѣкоторыя работы, какъ у заторной машины, производятся на отрядъ, по 43 р. въ мѣсяцъ; также производится возка дровъ—15 р. въ мѣсяцъ, льда—30 р., накачиванье воды 20 р.; подрядчикъ уже нанимаетъ рабочихъ, если нужно. Въ различныхъ вспомогательныхъ процессахъ производства плата слѣдующая: солодовщикъ старшій получаетъ 15 р., трое остальныхъ—по 9 р. въ мѣсяцъ; мельникъ—20 р. и его трое подручныхъ—по 10 р.; кузнецъ—20 р., молотобоецъ—15 р., мальчикъ-подростокъ—9 р.; постоянный плотникъ—15 р., мастеръ-бондарь—20 р ; 11 бондарей работаютъ издѣльно по 1 р. 30 к. за новую бочку (матеріалъ хозяйскій) и 90 к. за переборку старой; средній заработокъ на человѣка—р. 15 въ мѣсяцъ. Въ бондарнѣ нѣсколько мальчиковъ-учениковъ, которыхъ берутъ въ работу сами бондари, и заводъ съ ними не имѣетъ никакого

дѣла. Конюхи получаютъ по 10 р., а ихъ староста—20 р. въ мѣсяцъ. На этомъ заводѣ всѣ рабочіе безъ исключенія на своемъ содержаніи.

Въ томъ же родѣ плата на пиво-медоваренномъ заводѣ В: солодовщикъ получаетъ 12 р., пять человѣкъ—по 9 р., одинъ—8 и, наконецъ, еще одинъ—5 р. Имѣя на заводѣ помѣщеніе, продовольствуются рабочіе на свой счетъ. Пивоваръ, онъ же завѣдуетъ и хозяйственной частью, получаетъ 5 к. съ ведра сваренаго пива, что въ годъ даетъ 950—975 р., не считая квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

На содовомъ заводѣ каждымъ отдѣльнымъ процессомъ производства завѣдуетъ особый рабочій, обладающій извѣстнымъ техническимъ навыкомъ; такихъ „нарядчиковъ“ на заводѣ шестеро. Остальные рабочіе не имѣютъ спеціальныхъ обязанностей и выполняютъ ту работу, на какую поставитъ нарядчикъ по своему усмотрѣнію.

Плата нарядчику колеблется между 15 и 25 р. въ мѣсяцъ, „смотря по способностямъ и важности обязанностей“. Большинство ихъ пользуется квартирой при заводѣ. Остальные рабочіе получаютъ плату поденно: мужчины отъ 35 к. зимою до 60 к. лѣтомъ во время страды, женщины—отъ 20 до 30 к. Въ лѣтнее время на заводѣ работаютъ 3—4 мальчика-подростка, которыхъ приводятъ съ собой нѣкоторые рабочіе; жалованья отъ завода они не получаютъ, да заводъ и смотритъ на ихъ работу почти какъ на одолженіе: какъ ни какъ они „обучаются дѣлу“, изучаютъ производство—какія же тутъ деньги! Нечего и говорить, что это изученіе ничего не дастъ ребенку въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ и взрослые рабочіе, за немногими исключеніями, не имѣютъ никакихъ спеціальныхъ обязанностей, которыя требовали бы спеціальной подготовки. Всѣ эти рабочіе на своемъ содержаніи и квартирами отъ завода не пользуются.

На стекольномъ заводѣ работаетъ мастеровъ различныхъ наименованій 47, остальныхъ рабочихъ 76—86, въ томъ числѣ 44—52 малолѣтнихъ. Часть этихъ рабочихъ получаетъ плату помѣсячно, другіе—издѣльно, что нѣсколько затрудняетъ разсчеты.

Изъ мѣсячныхъ рабочихъ стекловаръ получаетъ 30 р., матерьяльщики—одинъ 10 р. и трое по 9 р.; шурали по 9 р.; подливальщикъ—5 р.; 2 откладчика—8 и 10 р.; браковщикъ—20 р.; 2 укупорщика—5 и 9 р.; гончары—по 18 р.; шлифовальщикъ—12 р.; плотникъ—15 р.; кузнецъ—23 р.; молотобоецъ—10 р.; дробильщики гутора—10 р. каждый. *Малолѣтніе* баночники—по 5—6 р., хлопчики—по 3 р. Поштучно получаютъ мастера: холявные—по $^1/_2$ к.

отъ каждой холявы, посудные—по особой таксѣ на посуду, разводчикъ—по 1 к. съ листа (отъ себя нанимаетъ троихъ—двухъ взрослыхъ съ платой по 10 р. и одного подростка за 6 р.). Посудный мастеръ зарабатываетъ отъ 21 р. (въ январѣ 91 г.) до 11 р. (декабрь того же года). Около того же заработываетъ холявный (въ декабрѣ заработокъ былъ 12 р., а въ январѣ холявъ не работали); разводчики 16—24 р. въ мѣсяцъ. Всѣ рабочіе, пользуясь квартирой, столъ имѣютъ свой.

Я уже имѣлъ случай говорить выше, что при стекольномъ заводѣ цѣлый поселокъ, все рабочее населеніе котораго работаетъ или непосредственно на заводѣ, или для него. Я имѣю записи, относящіяся къ 50 семействамъ рабочихъ этого поселка. Оказывается, что въ среднемъ на семью приходится по $1_{,3}$ взрослыхъ мужчинъ и $0_{,4}$ малолѣтнихъ, постоянно работающихъ на заводѣ; другими словами, на каждыя 10 семей на заводѣ работаетъ 13 взрослыхъ мужчинъ и 4 ребенка. Средній заработокъ семьи отъ завода—16 р. 21 к. въ мѣсяцъ.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы не упомянуть о существованіи на нѣкоторыхъ крупныхъ заводахъ товарныхъ складовъ, изъ которыхъ рабочіе пользуются въ счетъ платы продуктами, а также о задолженности нѣкоторыхъ конторъ изъ числа тѣхъ же заводовъ. Такіе склады есть на заводахъ Г., Ж. и др., а лавки съ крестьянскими товарами — у Ж., Ш. и Ю. и пр. На заводѣ Бердъ рабочіе могутъ брать по *заготовительной* цѣнѣ всѣ хозяйственные продукты; траты на содержаніе склада и пр. относятся заводомъ на счетъ невозвратныхъ расходовъ. Это, какъ и нѣкоторыя другія, уже упоминавшіяся выше черты изъ практики этого завода, чрезвычайно выгодно выдѣляетъ его изъ ряда всѣхъ другихъ заводовъ Алтайскаго края. У Ж. и др. рабочіе берутъ на книжку, и цѣны не всегда соотвѣтствуютъ нормальнымъ. У Ш. и Ю., кромѣ лавки, возлѣ завода имѣется кабакъ. О характерѣ операцій Елизаветинскаго завода Ж. можно судить по слѣдующимъ фактамъ: контора у большинства рабочихъ задерживаетъ плату до разсчета, оставаясь имъ должною, долги эти записываются въ конторскую книгу, и размѣры ихъ весьма почтенны, особенно если принять во вниманіе скудость финансовыхъ средствъ рабочихъ,—у нѣкоторыхъ рабочихъ считается за конторой по 70—80 р. Этому трудно было бы повѣрить, если бы заводская администрація сама не подтверждала дѣйствительности факта. Она же даетъ и объясненіе его: рабочіе сами того желаютъ, боясь покражъ. Существуетъ задолженность конторъ и на нѣкоторыхъ другихъ заводахъ, но нигдѣ,

сколько мнѣ извѣстно, она не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ на заводѣ Ж. На стекольномъ заводѣ П. наблюдается какъ разъ обратное явленіе: задолженность рабочихъ заводу, выражающаяся также десятками рублей—это задатки, выдававшіеся на проѣздъ недавно выписаннымъ съ Урала рабочимъ.

С. Швецовъ,

членъ-корреспондентъ
Московскаго Юридическаго Общества.

БИБЛИОТЕКА
38902
12004